

LiveLib

Журнал о книгах

Июль 2011 №7

Интервью с astrojuggernaut

«О чрезвычайно талантливом писателе либо режиссёре так же легко сказать, что его талант от бога, как и заявить, что "он продал душу дьяволу"»

Противостояние

«На тему того, что пиратить книги — греховно, можно рассуждать вообще очень долго и красиво, но факт остаётся фактом: все люди делают это»

22 «Рай где-то рядом» Фэнни Флэгг

О том, как построить свой собственный рай

23 «Синяя кровь» Юрий Буйда

Что поможет человеку вырваться из плена пустоты?

25 «Исповедь экономического убийцы» Джон Перкинс

Откровенно о секретах мировой экономической политики

27 «Град обреченный» братья Стругацкие

Система и личность

29 «Звёздная бабочка» Бернارد Вербер

Головокружительные котики

30 «Гордость и предубеждение и зомби» Дж. Остин, Сет Грэм-Смит

Скучные зомби и прочие неприличности

31 «Анатом» Федерико Андахази

Свобода чувств и знаний

33 «Волшебная гора» Томас Манн

Цена жизни и цена успеха

Противостояние

Платить или не платить – тема нынешнего спора. Extranjero ратует за соблюдение авторского права, Fermalion – за свободное распространение контента.

Стр. 16

Премии

Обзор книг из шорт-листа премии детской литературы «Книгуру»

Стр. 41

Оскар и Оскар

рассказ о двух Оскарах – Мацерате и Шелле, главных героях книг «Жестяной барабан» и «Жутко громко...». Оба пытаются выжить, приспособиться к этому миру.

Стр. 36

Интервью с astrojuggernaut

Стр. 6

Редакция:

Extranjero Сергей Теплых

Countymayo Ольга Майорова

Clickosoftsky Ольга Любимова

blade_o_grass Дина Тазетдинова

Fermalion Олег Светлицкий

kunsevici Слава Кунцевич

greeneyedgangsta Kristina Klumb

Krishana Наталья Латонова

Журнал создан пользователями [LiveLib.ru](https://www.livelib.ru)

Вступление редактора

Читатель, перед тобой седьмой номер журнала – счастливый, наверно. С большой долей вероятности можно сказать, что читаешь ты его с монитора – и, возможно, тебе хочется заполучить номер в печатном виде, полистать, поставить на полку. Но нашему маленькому изданию, так и не приобретшему рекламодателей (мы их не искали), непопулярному (мы не пиарились), вход в печатные дома закрыт.

Но издательское дело – поле для профессионалов. А мы не ставили перед собой каких-то целей, поэтому издание наше исключительно любительское и необязательное.

Так что в ближайшем будущем перевернуть страницу нашего журнала можно будет только при помощи мышки или подобных устройств. Возможно, так оно и должно быть – ведь журнал «LL» сделан исключительно для удовольствия, и так ли уж важно, в какой форме он будет представлен.

Extranjero

astrojuggernaut: «Постные, благообразные книги мне внушают ещё меньше доверия»

В прошлом номере astrojuggernaut рассуждала об отношениях автора и читателя. В этом номере журнал «LL» спросил её о поэзии и прозе, теневой стороне искусства и южной готике.

Интервью взял Extranjero

– Связываете ли Вы книги, музыку и кино? Можете ли Вы ассоциировать книгу с какой-нибудь музыкой или фильмом?

– О да. У меня нечто вроде синестезии: я слышу книги, смотрю песни и читаю кино. Если серьёзно – то да, действительно преследуют какие-то свободные ассоциации, и я всегда удивляюсь, если для других они не так очевидны. Ещё не совместили хороший ридер с mp3-плеером? Когда у меня будет такой, по крайней мере буду знать, что Фланнери О'Коннор можно подселить к 16 Horsepower, а аргентинские маги совсем по-разному воспринимаются под каких-нибудь своих соотечественников-музыкантов и, скажем, «Старуху Мха». То же с музыкой и кинокадрами: в сети куча видеонарезок нашумевшего фильма «Begotten» с разным саундтреком (разве что на тему из «Шоу Бенни Хилла» его пока не положили), – все производят разное

впечатление и навевают думы разной степени тяжести. Когда в книге есть музыка, и наоборот – я это приветствую. Никогда бы серьёзно не увлеклась Шекспиром, например, если бы не загипнотизировавший меня монолог Генриха V в одном треке. Эзру Паунда открыла аналогичным образом. Думаю, примерами я достаточно насорила, а если коротко – да, да, да, я не только ассоциирую и связываю, это всё части моего образа жизни. Неотъемлемые.

– А аудиокниги Вы слушаете?

Только на иностранном. И то – потому что слишком много времени уходит на чтение этих книг в бумаге. Я подробно останавливаюсь на каждом обороте, вожу пальцем по странице, морщю лоб и впадаю в панику, если что-то не понимаю без словаря. А постоянно жать «ривайнд» мне лень, поэтому то, что читалось бы месяц, прослушивается за пару вечеров. И

понимается. Мне в связи с этим почему-то вспомнился забавный тест в интернете под заголовком «Фолкнер или машинный перевод?» Там были предложения, и предлагалось выбрать, где светоч американской литературы, а где пропущенный через переводчик текст. Улала, я даже не рискнула подступиться. Может, я этот, как его... аудиал?

– Как Вам аудиокниги с фоновой музыкой, разными чтецами и прочими эффектами?

– Предпочту одного (но пламенного!) чтеца без бонусов и финтифлюшек. У меня давнее и неискоренимое предубеждение в отношении аудиоспектаклей: в детстве наслушалась по радио постановок, в которых прекрасные девы и мужественные детективы вели беседы, потрясавшие моё воображение. Мне в связи с этим вспоминается отрывок из «Туси» А.А. Крестинского:

«- Вот ваш платок, Мэри, - говорит Туся грубым голосом.

- Ах, Джон, спасибо!

Где вы его нашли? - отвечает он сам себе нежно.

- В парке.

- Как вы там оказались?

- Я шел за вами следом...

- Негодник! Вы подглядывали за мной!

- Мэри, я люблю вас...

- Ах, Джон, мне дурно... Воды!

- Не бойтесь, Мэри, я не выдам вас. Никто не узнает, что вы встречались с герцогом...

- Вы добрый человек, Джон...

- Я люблю вас, Мэри!..»

Вот в таком духе всё это было. А если один, да ещё и не шибко фиглярствующий рассказчик – это мне по нраву. Люблю вообще, когда близкий человек читает мне что-то вслух, и сама люблю что-нибудь декламировать.

– А как Вы относитесь к визуализации образов из книги? Можете ли Вы при чтении легко вообразить, как всё происходило?

«Я легче всего представляю себе то, что оторвано от реальности, всякий сюр, сновидческие картинки и пр. Они оставляют больше пространства для воображения»

– Это моя беда – я не только плохо, отчаянно плохо запоминаю имена и события в книгах (угадайте, какова была причина моей регистрации здесь), но и вообще плохо себе представляю – внешность, пейзажи, обстановку, архитектуру. Раньше думала, что у меня какая-то форма дислексии, хех. Но вот закономерность – чем больше автор уделяет внимания

деталю: у герцогини был вот такой носик, а вот здесь родинка, а тут была такая комната (подробный план помещения), – тем меньше подробностей у меня перед глазами. Реализм описаний ставит меня в тупик; чувствую себя подмастерьем, которого талантливый инженер попросил собрать какую-то дико сложную штуковину. Не то чтобы я забывала, где у герцогинь находятся носы, да и не в архитектуре /пилястрах/арктубанах и прочих нервюрах дело. Я легче всего представляю себе то, что оторвано от реальности, всякий сюр, сновидческие картинки и пр. Они оставляют больше пространства для воображения. В экранизации к этому, мне кажется, ближе всего подошел Войцех Хас с «Санаторием под клепсидрой» – я не устаю нахваливать этот фильм и считаю его эталоном визуализации романа.

– В чём, по вашему мнению, поэзия превосходит прозу, а в чём уступает?

– Наверное, из-за того, что в поэзии у меня были какие-то робкие опыты, а к написанию прозы я не подступалась даже в плане фанфиков, именно проза для меня – идеал, богиня и предмет восхищения в большей степени, чем стихи. Если отбросить спорные случаи, где «ещё не поэзия», «стихи в формате А4» и «уже не проза», Симфонии А. Белого и пр. примеры – то, думается, в поэзии больше свободы, несмотря на формальную ограниченность (хотя кто уж там ограничивает поэтов, в XXI веке-то). В поэзии есть место многим украшениям, игре, даже попытки раздражить читателя нарочной дрему-

честью уместны. А прозаик, если он не отличный стилист, может серьёзно обосрамиться, жонглируя аллитерациями и контрапунктами. Есть сейчас какая-то тенденция чуть ли не переписывать поэтические стандарты в строчку, – и в то время как у И.Б. «крича жимолостью» и вся описанная миниатюра – безусловно на своём месте, под пером не шибко талантливого блогера те же слова обратятся в развесистую ваниль-корицу-куманику. Однако легко вообразить и писателя, претворяющего всё ту же жимолость в аналогичном антураже – в изысканную прозу. Я бы не стала быть категоричной, одним словом. Находят путь к сердцу – значит, обе молодцы. И проза, и эцсамая.

– Если говорить о писателях – есть мнение, что хорошие поэты со временем становятся хорошими прозаиками. Вы согласны с этим? И знаете ли вы писателей, хорошо пишущих (или писавших) на обоих фронтах?

– Даже если и знаю – нравятся мне они, как правило, только в одной ипостаси из двух (Э.А. По в качестве исключения). Сейчас вот это «становятся», мне кажется, не очень актуально. Сетевые авторы, вся эта тусовка как-то не склонна к эволюции от поэзии к прозе и пр. Не вижу ничего плохого в том, когда талантливый человек считает себя талантливым во всём: пишет, рисует, фотографирует, на дуде играет и готовит торт «Наполеон». Другое дело, когда он просто распыляется – привыкнув к тому, как легко сорвать сейчас аплодисменты у публики. Это только кажется, что чем доступнее искусство и ближе к народу, тем потребители привередливее.

– А Вы сами пишете что нибудь?

– Несколько лет, что называется, «все побежали, и я побежал») Собственных поэтических манифестаций я не слишком стыжусь; по крайней мере, выяснила, что две вещи актуальны всегда: а) на каждый товар есть купец, б) кукушка хвалит петуха. Сейчас с юмором это

всё воспринимается. Но если кому-то очень уж интересно, можно ввести в гугл «Самородное чучелко» и пройти по первой ссылке.

– Как Вы относитесь к вопросу авторского права/пиратства?

У меня нет особого выбора: я потребитель пиратской продукции и даже отчасти производитель (например, не покупаю фирменный мерчендайз, свои «фанатские» футболки печатаю самостоятельно, передирая эскизы с оригиналов). А как ещё быть, когда в магазинах всегда один и тот же дамско-джентльменский набор книг и альбомов, причём если первые – привезённые из России экземпляры с двойной наценкой, то касательно аутентичности вторых вообще бабка надвое сказала. Я голоую рублём, когда есть возможность. Но для моей страны по-прежнему аукционы – чуть ли не единственный способ привезти что-то стоящее из-за границы. Очень жаль, что обстоятельства зачастую вынуждают нарушать права авторов, но отдельные писатели, кажется, такого не потерпят. Харлан Эллисон, например, пригрозил людям, которые сунут руку в его карман, тем, что они «вытащат наружу кровавый обрубок».

– Назовите, пожалуйста, Ваше любимое направление в литературе, разрекламируйте его и назовите самых, по-вашему, ярких представителей.

Я бы назвала южную готику с тэглайном «Натаниель Готорн встречает Поппи Брайт!» Это жанр, который меня поймал и не отпускает. Отдельные представители мне попадались довольно давно, но несколько лет назад посмотрела свежеразвешенный «Груз 200» и где-то услышала, что он снят по отдалённым мотивам романа Фолкнера «Святылище». И всё заверте...

Из очевидных представителей – уже упомянутая мной Фланнери О'Коннор, «Зримая тьма» Голдинга, «Избавление» Дж. Дики (кажется, переведён не был, зато есть более

чем известная экранизация). Из менее очевидных – прекрасный Амброз Бирс, отдельные вещи Лавкрафта (внезапно, да?), Кэтрин Данн, Тони Моррисон... Возвращаясь к теме синхронизации литературы и музыки, рекомендую знакомиться с южной готикой под соответствующее дез-кантри: Those Poor Bastards, Lonesome Wyatt и прочую готическую америку. Оно того стоит.

– Вы всегда дочитываете книги или бросаете непонравившиеся?

Я вообще редко с такими книгами сталкиваюсь – потому что стараюсь не читать выбранные наспех, на спор и пр. Но если допустить, что интуиция подвела, или, скажем, меня забросило в какую-то отдалённую местность без намёка на библиотеку, да с одной плохенькой книгой... и я решаю, что на безкнижье и оно сгодится... Ай, да дочитаю, если в тексте есть хоть какие-то признаки жизни. Если же пациент скорее мёртв, какие могут быть угрызения совести? Или так – какие могут быть у меня обязательства перед автором откровенно плохой книги? Я и хорошие-то не всегда дочитываю: бывает, отставишь на полку в честь сессии, а через пару недель уже и стесняешься подступить. Овердоз каким-нибудь добротным автором или жанром тоже иногда случается.

– А бывали ли ситуации, когда Вы явно чувствуете, что не можете осилить книгу? Или, по вашему мнению, ситуации «ниасилил» не бывает, и любое нежелание читать дальше – следствие того, что это просто не твоя книга?

– Если говорить о хороших книгах, а не откровенно не стоящих внимания, то сплошь и рядом ситуации, когда «ниасилил», потому что: не хватает базы, не то душевное состояние, или даже так – книга гут, но читатель и автор слишком расходятся во взглядах. Если честно, мне не очень продуктивными кажутся беседы о брошенных книгах; они создают иллюзию какого-то принуждения. Здесь надо сделать кощунственное замечание. К книге как к предмету – обложечка, странички – я подчас отношусь как к предмету культа (ах, он

жёлтым пальцем запачкал моего Уэллса! Повинен смерти!), а в плане духовном больше склонна к «книга - это всего лишь книга». Не вижу смысла себя казнить из-за непонравившихся. Другое дело – неразборчивость и порождённое ей «ойой, за шо ни возьмусь – лажа». Всё-таки это пища для ума, и тогда как о пищеварительной системе принято говорить, мол, в животе не видно, то в плане чтения иногда просвечивает, знаете ли). Считаю, что разборчивее нужно быть как в отношении качества (не тухлятинка ли?), так и в отношении личных предпочтений и возможностей (нет ли у меня аллергии на Толстого, Л.Н.? не будет ли сыпи от Лимонова? несварения от ещё кого-нибудь?)

– Хорошо, вернёмся назад. Почему Вам нравится именно южная готика, а не какое-то другое направление? Чем Вас зацепила эта литература?

– Потому что под это понятие можно подогнать добрую половину американской литературы XX века, которую я очень люблю. Шютка. Мне нравится сочетание тонкой психологичности и грубоватой физиологичности (в качестве иллюстрации – «Лесная картина» многократно упомянутой О'Коннор, короткий и характерный рассказ). Я без ума от американского юга, Луизианы, фильма «Южное гостеприимство», фотографий Салли Манн; это всё прекрасные места и вещи, но не без гнильцы. Вопрос, чем меня это цепляет, может привести к слишком откровенным признаниям) Чем отдельных людей в большей степени привлекает литература без хэппи-эндов? Или так (чтобы опять не сыпать именами, возьмём анонимное народное творчество) – в известной ирландской балладе поётся о том, как человек каждую ночь проводит на могиле возлюбленной, укрывая её от дождя. Да, трагическая и красивая история; но с другой стороны, есть в этом и запретное, что-то отличное от светлого и чистого (священники парня сторонятся). Вот если бы он сам любимую убил и съел, а потом пришёл похоронить останки в байу да сыграть на

банджо – вышел бы хороший утрированный пример южной готики. Э, это тоже я не вполне серьёзно, если что. Мне кажется, такую литературу читают затем, зачем и хорроры и тому подобное: тут испугаться, тут подумать «слава богам, что у меня нет ничего общего с такими героями». А иногда – «и всё-таки что-то общее есть».

– Расскажите побольше о тёмной стороне в искусстве. Почему, зачем, как она, по-вашему, влияет на читателя, и почему эта сторона так притягательна порой?

– Как там у Леся Подервянского: *«Ето на-помінаєт мнє фільм Хічкока. Він і Вона сидять, оба голиє. Он з ножом. Вона з топором, ре-жуть ковбасу і їдять. А над іми стоїть д'явол в образі жінчини»*. Побольше так побольше)

Вот актёры любят приводить в пример то, что в средневековье их брата хоронили вне кладбищ, потому что у лицедеёв-де нет души. С литераторами всё ещё сложнее, я думаю) О чрезвычайно талантливом писателе либо режиссёре так же легко сказать, что его талант от бога, как и заявить, что «он продал душу дьяволу». Не люблю раскладывать всё на такие традиционные метафизические категории, и тем не менее, тесная связь читателя и автора объясняются, на мой взгляд, тем, что и тот, и другой «духом к небу горит, а ножками-то ещё к аду перебирает» (см. «Чертогон» Лескова). Я не люблю чернуху ради чернухи, хоть мне и подпортило вкус искусство в тёплых тонах – соответственно «оранжевые» книги и «жёлтое» джалло. Но постные, благообразные книги мне внушают ещё меньше доверия. Не знаю, почему привлекает теневая сторона литературы других; меня же – потому, что я не в восторге от писателей-пигмалионов. Мне больше по душе писатели-франкенштейны. Не из-за того, что первые создают прекрасное, а вторые работают с мёртвым материалом. А из-за того, что первые влюблены в продукт собственного творчества, а вторые – сами понимаете. Для меня важно,

чтобы в книге чувствовалось какое-то сизифово преодоление.

О своей склонности к некроромантике я рассказала недавно, когда писала о собственном восприятии Блока. Может быть, это такая же тяга к сверх- и противоестественному, как и у тех, кто читает про любовь простых смертных ко всяким ангелам, вампирам, суккубам, ископаемым и лошадкам мохноногим. Я не знаю, по какой причине и в какой момент страх перерастает в симпатию. О том, чего и отчего мы боимся, написано много; но почему нас тянет к тому, чего мы боимся? Отчасти я нашла ответ в эссе Лавкрафта о литературе ужаса. Веское слово добавил Батай в книге «Литература и зло». (Кстати, мне кажется, в последнее время резко возросла востребованность «Грозового перевала» – Батай довольно занятно пишет об этой, по его выраже-

«О том, чего и отчего мы боимся, написано много; но почему нас тянет к тому, чего мы боимся?»

нию, «одной из прекраснейших книг всех времён»). Но лучше всех сказал Леонид Липавский. Прошу простить меня за злоупотребление цитатами, но его слова многое

объясняют относительно «тёмной стороны» – литературы, кино, музыки:

«Это подобно тому, как если бы мы разговаривали с нежно любимым другом, вспоминали то, что нам ближе и важнее всего, и вдруг сквозь черты его лица выступило бы другое, чуждое, по-обезьяньи свирепое и хитрое лицо идиота. Мы обманулись: он не тот, за кого мы его принимали. С этим невозможно столкнуться, просто потому, что он даже не понимает слов, он весь устроен не по-нашему. Он не тот, а оборотень. И всякий страх есть страх перед оборотнем».

(Исследование ужаса)

Секрет притяжения, может быть, именно в этом. Очень хочется увидеть, узнать это чужое страшное лицо.

– Насколько, по-вашему, сегодняшнему читателю интересен и нужен древний фольклор, а в частности разные сказания – мифы, сказки? Мифы каких стран и времён интересны Вам?

– Опять же, я вам не скажу за всех читателей) Но пока ещё не совсем скомпрометировал себя жанр фэнтези, пока пишутся многочисленные вариации на темы Одиссеи, Круглого стола и пр. – фольклор востребован. Для меня «Фольклор в Ветхом завете» и «Золотая ветвь» – настольные книги, читаемые перманентно с любой страницы. Одно время увлекалась сказками народов Севера и азиатской мифологией – сначала хи-хи-ха-ха («Куой постоянно напоминал жене: – Если тебе нужно помочиться, то делай это с западной стороны. Не справляй нужду с восточной стороны, дерево будет недовольно и улетит на небо»), потом уже с серьёзным интересом, насколько вообще может быть серьёзным интерес дилетанта. Люблю кельтскую мифологию: мне органически необходимо верить в то, что феи живут под холмами (даже в степях Украины). А ко дню рождения присмотрела себе на аукционе антологии австралийского и североамериканского фольклора.

После упомянутого «Южного гостеприимства» заинтересовалась ещё и традициями каджунов. У них очаровательная музыка и очень милые «страшные» создания вроде оборотня, который не человек-волк, а человек-цыплёнок.

– И последний вопрос: что бы Вы хотели сказать и пожелать всем читателям и лайвливцам?

– А пусть у каждого будет то, что ему нужно. В первую очередь – пускай у каждого будет такой человек, с которым можно поговорить, в том числе о книгах. И хорошо, если бы чтение, которому мы тут коллективно предаёмся, ни у кого не стало бывшим хобби, а всегда оставалось любимым занятием. Если кто-то хочет связать свою жизнь и профессию с рецензированием – желаю этого от всей души. Если с писательством – голосую всеми четырьмя.

Да пребудет с вами Сила.

Скачать или купить?

Этот вопрос зачастую задают себе читатели, когда видят очередную книгу. Хотя для многих подобный вопрос просто неуместен: нынешние электронные произведения в пиратских библиотеках зачастую хорошо свёрстаны, предоставлены во всех распространённых форматах – словом, всё для людей. Зачем же тогда платить, ведь тексты не пахнут?

В нынешнем противостоянии Fermalion и Extranjero обсудили, зачем платить за книги, кому это надо и что делать с авторским правом в будущем.

Fermalion:

Популярность электронных книг в России с каждым днём возрастает всё быстрее и быстрее – если ещё вчера ваша электронная читалка то и дело ловила на себе любопытные взгляды соседей по транспорту, то сегодня даже полдюжины читателей с экранами, расположившиеся в ряд на сиденье электрички, вряд ли удивят окружающих.

И я задаю вопрос, ставший в свете «ридер-бума» уже риторическим: «Что делает устройства для чтения электронных книг такими популярными и востребованными?».

«Доступность электронных книг» – эта формулировка, приобретшая уже статус устойчивой идиомы, в той или иной форме присутствует на любом сайте производителя этих устройств, причём в большинстве случаев вслед за ней даётся ссылка на лицензированный магазин электронных книг. Но давайте будем честны друг с другом: под доступностью большинство из нас понимает бесплатность.

Доступная электронная книга – это книга не вдвое дешевле бумажной. И не вчетверо. Она не стоит даже десяти рублей.

Доступная электронная книга – это книга,

которую можно просто взять. Безвозмездно, то есть даром. Не заморачиваясь ни платёжными системами, ни почтовыми переводами, ни даже отправкой SMS.

Extranjero:

Однако же, для написания книг требуются деньги, писательство – это работа. Кроме того, нужно проводить множество действий для поддержания и распространения писательской и читательской культуры – премии, фестивали и прочее.

Существует мнение, что, мол, писателям можно особо много и не платить – всё равно будут писать. Но кто и что будет писать? Если просто от писательского зуда – то писатель заведёт себе блогик, где не требуется особо следить за сюжетом, канвой и развитием оригинальных идей – написал пост, и уже вроде писать не хочется. Зачем же тогда работать над книгой, если её всё равно не купят?

Fermalion:

Вспоминается мне одно интервью с госпожой писательницей-иронических-детективов, которая заявляла, что понятия «отсутствие вдохновения» и «муза ушла» ей незнакомы; для неё писательство – обычная работа, в

которой не имеет значения состояние самого работника. Проснулась, умылась — к станку. С девяти до шести, пять дней в неделю.

Для таких людей писательство, несомненно, работа — впрочем, художественные достоинства их литературных субпродуктов видятся мне весьма иллюзорными.

На другой чаше весов у нас «сидят» Грибоедов, Маргарет Митчелл и, скажем, Мариам Петросян с Сюзанной Кларк — люди, написавшие за свою жизнь по одной-единственной книге. И даже несмотря на то, что у последних двух, хочется надеяться, творческий путь ещё впереди, всё равно нельзя считать писательство основным источником их дохода: какими бы гениальными, волшебными и провидческими ни были их творения, они, в конце концов, просто одиночные книги. Их популярность рано или поздно поутихнет, а следом за ней поредеет и денежный поток, с ними связанный.

Я придерживаюсь мысли, что для хорошего, «правильного» писателя творческая работа — это, в первую очередь, позыв души, а уж потом (если получится) финансы.

Что касается писательской и читательской культуры, то я не встречал случаев, когда проведение какого-то фестиваля или награждения стимулировало к духовному росту какого-нибудь среднестатистического посетителя Фишекнет и прочих бугагашечек. Человек просто либо читает, либо нет — эту культуру, конечно, можно сформировать, но никак не такой вот единичной акцией. Вопрос в воспитании — длительном и системном.

Extranjero:

Если уж говорить о чашах весов, то к иронической писательнице можно подсадить Стивена Кинга, к примеру.

Роман является результатом творческой работы. Конечно, всё индивидуально, но на стоящие книги уходит огромное количество времени и сил. Мариам Петросян в интервью сообщила, что начала писать «Дом» в 1991 году. Вот цитата из интервью с ней:

— В какой-то момент, перечитав напи-

санное, я поняла, что мне надо всё менять, потому что это было ужасно. Это был период абсолютной растерянности, потому что я осознала, что то, что доставляло мне столько радости, никуда не годилось.

И что же это, не работа? Для того чтобы написать роман, отредактировать его, нужно время и силы. Если же это не будет вознаграждаться ничем, то что же тогда останется? Письмо от позыва души? — для этого существуют блоги и прочее, там можно быстрее, удобнее и короче высказать свою мысль и удовлетворить потребность в писательстве.

Также иногда придумывают модель — писатель пишет ради читателей, от смутных порывов души к писательству. А читатель, прочитав книгу, руководствуясь той же признательностью и порывами, благодарит писателя деньгами, в том размере, который ему позволяет

признательность и душевный порыв. Однако же, твёрдая валюта, обеспеченность и ясные перспективы всегда ценились больше неясных порывов души.

Писатель, садясь за книгу, рассчитывает что его

труд будет оплачен. Причем чем лучше он напишет — тем лучше он будет оплачен. Читатель же, покупая книгу, знает, что он получит качественную историю, а не графоманское вторсырьё. Если любишь американскую классику — ориентируйся на Хэма, Стейнбека и Фолкнера, иронические детективы — Донцову и Устинову, — и тогда получишь то, чего хочешь. А если всё это отменить, то что же останется? Тонны разбросанных по сети стихов и фанфиков, авторы которых в большинстве случаев не взрослее 25 лет? Или единичные романы, написанные кем-то «от души» и не прошедшие ни редакторы, ни корректуры?

— Человек просто либо читает, либо нет

Да, по умолчанию большинство не читает, а сидит вконтакте. Для того, чтобы начать читать, требуется какая-то мотивация, а какая тут мотивация, если школьная программа никому не нужна, а культуры чтения нет? Раньше в этой стране она развивалась благодаря библиотекам, жившим за счёт государства. А

сегодня нет поддержки, нет и библиотек. Сегодня эту культуру можно развивать через СМИ, через книжные магазины, через премии и прочие разовые акции, цель которых — создать инфоповод. То, что у нас о премиях знает только узкий круг, другое дело. И всё это требует финансовых вливаний.

Fermalion:

Моё отношение к Кингу не позволяет мне спорить: да, я согласен, что Кинга запросто можно подсадить к этой ироничной писательнице, что нисколько не опровергнет правила.

Что касается времени и сил на стоящую книгу — здесь я не спорю, я соглашаюсь! :) Петросян начала «Дом» в девяносто первом, Сюзанна Кларк писала «Дж. С. и М. Н.» тоже весьма долго, они провели значительную и очень трудную работу, которая заслуживает уважения. Но это уважение совсем необязательно измеряется в валюте.

Если мне нравится книга — по-настоящему нравится, и я уверен, что буду перечитывать и переосмысливать её ещё не раз — я с превеликим удовольствием покупаю бумажное издание. Такая книга — как слиток золота, только в интеллектуальном, а не материалистическом плане.

Но совершать упреждающий платёж только за саму возможность прочесть ту или иную книгу — это, как мне кажется, на современном этапе развития культуры уже неправильно. Почему я должен платить посредникам, если они, объективно, этого не заслуживают?

«Смарт-Ап», давешний партнёр Лайвлиба, гордо сообщает нам, что аж 60% суммы платежа будут перечислены автору (совершенно замечательные ребята, кстати, неспособные без ошибок написать «интернет-супермаркет»). Поистине, акция невиданной щедрости, но я не понимаю, почему автору отходят именно шестьдесят процентов. Мне больше нравится «сто процентов» — да, пожалуй, 100% — хорошая цифра. Ладно, так и быть, 95%, учитывая, что посредники тоже хотят кушать и оплачивать хостинг.

Электронные книги должны быть абсолютно бесплатны — и дело тут даже не в том, что они, дескать, нематериальны, и «пиратство — не воровство».

Сама суть электронной книги, её смысл и назначение — это ознакомление и реклама. Это — не сама книга, а просто предложение («оферта», говоря юридическим языком) к покупке книги. Если читатель акцептует оферту, то возможны два варианта.

Первый, как уже было сказано, это поход в книжный магазин — в этом случае мы платим не только автору (за идею и смысл), но и издателю — за редактуру, вёрстку, полиграфию и оформление.

Второй — это просто желание поблагодарить автора, и тогда мы переводим платёж автору лично, на указанный им в жэжэшечке или на сайте счёт. Это не «процент автору» — это платёж, вся сумма которого поступит именно автору, и никому более.

Финансовые потоки в литературе не должны быть жёстко привязаны к творческим. Отчисления автору — признак уважения его труда, но противоположное неверно: отсутствие отчислений не говорит об отсутствии уважения.

И уж конечно, на этом празднике жизни нет места посредникам — по крайней мере, с такими ценами на их услуги.

Теперь об «инвестициях в культуру» — мол, покупка книг создаст бюджет для развития культуры чтения во всей стране. Вот с этим согласиться совершенно невозможно.

Издатели — люди бизнеса, а не культуры. Они издают то, что продается, а не то, что сможет побудить людей к размышлению и духовному росту.

Extranjero:

То, что на развитие культуры всем плевать, и что благодаря высоким наценкам обогащается только реализатор, это более глобальный вопрос :) С нашей действительностью всё более-менее понятно: читать книги не модно, издатели вкладывают деньги только в окупаемые проекты (вампиры для молодёжи, детективчики для тех, кто постарше), тиражи интересных книг падают, и соответственно повышается цена на них. Издательский мир захватили «АСТ» и «Эксмо», библиотеки развалились, и последнее прибежище читателя — уютные пиратские бухты со свободными отношениями.

Поговорим же о будущем: что надо сделать для того, чтобы всё шло хорошо?

Неплохим выходом для индустрии может стать система подписки: заплатив определённую сумму, в течении месяца можно читать что угодно. По этой схеме во-первых один подписчик читает больше, и автор получает маленькие, но многочисленные отчисления. Кстати, в России подобный сервис уже существует.

Электронная книга — законченный продукт, и, что самое главное, её прочтение не подразумевает никаких дальнейших действий со стороны читателя: ведь он прочитал всю историю, от начала до конца, получил от этого удовольствие и всякое такое. Так почему же она должна быть бесплатной? Произведения классиков, перешедшие в общественное достояние, согласен, должны быть бесплатны. Причем, по моему мнению срок удержания авторских прав сегодня преувеличен.

Итак, книжное будущее по пунктам:

1. Чтение по подписке — так, с миру по нитке, авторская братия будет получать свои деньги.

2. При желании — покупка дорогой бумажной книги. Они, возможно, станут чем-то вроде сегодняшних художественных альбомов.

3. Все книги, перешедшие в общественное достояние, должны быть бесплатны — причём срок удержания авторских прав надо бы сократить.

Fermalion:

Давайте говорить прямо, в контексте современных реалий: система платных подписок на доступ к лицензионному контенту в нашей стране мертва.

Эти платные подписки оформляет один человек, а в это же время десяток других столь же демонстративно гнобят копирастов, а сотня третьих — вообще не задумываются о лицензионной чистоте чего бы то ни было и просто молча отгружают эмпэтришечки ящиками из торрентов.

Система не работает, потому что один из

тысячи — это ровно то же самое, что и ноль из тысячи, как ни округляй.

И она никогда не будет работать, пока сохраняется хоть какая-то возможность получить товар бесплатно. В сущности же, всё упирается в один очень простой вопрос: «зачем тратить деньги, если можно их не тратить?». Конечно, можно привести тысячу аргументов тому, что пиратство погубит индустрию, что бедному автору тоже хочется кушать, и так далее. И всем нам будет жаль и индустрию, и автора. Но мы — признаемся себе честно — всё равно не будем платить, если можно взять бесплатно.

На тему того, что пиратить книги — греховно, можно рассуждать вообще очень долго и красиво, но факт остаётся фактом: все люди делают это.

Платные подписки — замечательный и очень дипломатичный компромисс, но от него нет толку: он не работает.

Честно говоря, я не знаю универсального рецепта, как писателям получать за свои труды много денег.

Могу лишь пожелать им творческих успехов и философского отношения к жизни. Грустно, но правда.

Потому что подавляющее большинство

читателей — какими бы честными и благородными они ни были — всё равно не будут ничего покупать.

Extranjero:

Это две крайности: с одной стороны находятся те, кто пиратит и не собирается ничего платить, а с другой — издательства, реализаторы, РАО, которое тоже не особо хочет отдавать деньги, заработанные

на книгопечатании. Автор в этой схеме находится где-то в стороне, и это плохо.

Нынешняя система ценообразования весьма мутная: я отдаю деньги непонятно кому и непонятно зачем. Те же ребята из «Смарт-Апа» честно говорят, сколько они отдают автору (конечно, если то, что они написали — правда). В 99% случаев же при покупке книги читатель абсолютно не знает, зачем и кому он отдаёт деньги. Естественно, при такой схеме ему

«Электронная книга — законченный продукт, и, что самое главное, её прочтение не подразумевает никаких дальнейших действий со стороны читателя. Так почему же она должна быть бесплатной?»

легче обратиться к пиратам — тогда эти деньги никуда не уйдут.

Fermalion:

Да, я согласен, что автор находится в стороне, и тоже считаю, что это плохо: на самом деле, в стороне должен находиться издатель. В какой-нибудь далёкой-предалёкой стороне.

Задача издателя, на мой взгляд, заключается только в одном: обеспечить читателю качественное воплощение книги (хорошую бумагу, качественный переплёт и т. д.), причём подразумевается, что читатель уже очень хорошо знает, что ему нужно и зачем он пришел.

Реклама, маркетинг, охрана поправных прав автора и уж тем более отыгрыш роли «гида по литературе» — это не задача издателя, на мой взгляд. Это то, что издатели делают «по инерции», забывая, что интернет-то уже почти у всех есть, и читатель с писателем прекрасно знают, чего хотят.

Как вы совершенно справедливо заметили, покупка книги, в отличие от покупки, скажем, бытовой техники, подразумевает собой некую интригу, таинство. А значит, в некотором смыс-

ле, кота в мешке. Покупая уют или стиральную машину, мы точно знаем, чего ожидаем от покупки, взвешиваем все «за» и «против», потому и с деньгами расстаёмся более осознанно. Покупая же книгу, мы не знаем, что она нам принесёт, понравится ли она нам, заставит ли задуматься и сопереживать. Вполне естественно, что при этом мы не хотим расставаться с деньгами так просто.

Мы хотим каких-то гарантий. Мы хотим «попробовать», прежде чем расставаться с честно заработанным.

Но это не тот случай, когда достаточно будет «демо-версии» и парочки демонстрационных глав — к огромному счастью, литература сложна и многогранна, и невозможно уместить всю сюжетную интригу в пару страниц.

Книжное пиратство — это замечательный стимул для авторов писать лучше. Писать так, чтобы их хотелось купить, а не просто прочитать.

Прошло то время, когда можно было издать любую ахиною: «главное, чтобы эти дураки купили, а там пусть хоть печку топят!».

Читатель, помни – пиратство противозаконно!

«Книгуру»: среди военных трофеев и мирных костров...

В нашей стране появилась новая книжная премия за детскую литературу. Она называется «Книгуру» и является детской в прямом смысле слова: в качестве жюри в ней выступают сами дети от десяти до шестнадцати лет. Countymaou изучила шорт-лист премии, чтобы понять, что сегодня пишут для подрастающего поколения.

Начало читайте в предыдущем номере

8. Пенки

«Пенки» Юрия Нечипоренко – тоже хроника, правда, более близкого нам периода – бандитских девяностых. Отдых в шумном Коктебеле сталкивает рассказчика с привлекательной и на редкость самобытно мыслящей девушкой Багирой. Из образцов самобытного мышления:

- *А откуда у неё револьвер?*
- *Если бы ты побывал у них дома, ты бы не задавал таких вопросов – у них вся обстановка антикварная, все вещи – раритеты, не позже XIX века! Револьвер – безделка, причем обычная для дам в прошлом.*
- *Как же закон о хранении оружия?*
- *Законы пишут для того, чтобы оградить знать от черни. Чернь обязана исполнять законы: её иначе не обуздать, а знать живет не по закону, а по чести.*

И понеслось... Братки, содержанки, «быки» и «тёлки». Убийства, киднэппинг, приватизация, растление малолетних. Сыщики, бизнесмены, наркотики, принцы. Выборы, антенны связи с инопланетянами, второе крещение Руси – на сей раз в католичество... Только Грааль и тамплиеров обошли вниманием. Вообще непривычно и дико, что лихой псевдо-мистический детектив, начинающийся фразой: «Шесть пуль, кожа – как решето, а видный был мужчина – тут, буквально на вашем месте лежал еще вчера», – а заканчивающийся эзотерическим

докладом «Гоголь как Гегель» (!), предназначен для отроков и отроковиц. Живость фабулы, подмеченная многими рецензентами, – немалое достоинство, однако хочется, чтобы за фабулой ещё и смысл какой-то проглядывался. Из десятки, тем не менее, Юрий Нечипоренко выбил 6,97 баллов.

0,5/14, не более.

7. Перелётные дети

Что касается «Перелётных детей», их создательница Ася Кравченко – кандидат психологических наук. Наверное, поэтому пересказ её книги гораздо менее глубок, чем её содержание. Летающие братец с сестрицей, Веро и Мишель, гордо носящие общее имя Вермишата, буквально падают мальчику Андрею (Дрю) на голову, и совершенно постмодернистские странствия по Москве начинаются сами собой. Даже цель путешествия объявляется не сразу, а цель вот такая:

Мы ищем дом. С лепниной, серый с белым. Подъезд огромный, со скрипучей дверью, Зелёный двор и посередине три берёзы. Качели, клумба, маленький забор. Проветривается чей-то коврик. Ворчит о чём-то дворник. Сгребает листья без конца. Двор пахнет морем, может быть, рекой. А на берёзе – рыжий кот. Урчит как трактор. И если ты ему в глаза заглянешь, как будто жизнь свою увидишь...

Да, «Перелётные дети» – это сумбур, калей-

доскоп, сюрреалистическое смешение обихода с фантазией. Напрашивается вывод, что племя младое, незнакомое чрезвычайно предвзято относится к сюрреализму и психоделике. Дебатируют, критикуют, возмущаются: «это, мол, бред!», – выискивают сюжетные несоответствия. И где? – в сновидении, в грёзе! Каким образом они читают, скажем, Льюиса Кэрролла или «Волшебный мелок» Синкен Хопп? Особливое негодование жюри почему-то возбудило появление в Москве-реке крокодилов. Эка невидаль. У нас в Петрограде крокодил по улицам ходил, а также папиросы курил и по-турецки (вернее, по-немецки) говорил ещё в 1916 году.

Вот не терплю квазитерминологии: ах, атмосферное, ох, настроенческое. Но как быть? «Перелётные дети» – действительно атмосфера, настроение, и ничего иного. Кто сочтёт, что атмосфера и настроение – это мало? 7,05 баллов из десяти, далеко не плохой результат.

8/14 это как отличнику ставят на балл ниже, потому как «может гораздо лучше».

6. Сто лет, или Цепочка из рукопожатий

Под общим названием молодая писательница из Чувашии Илга Понорницкая представила две маленькие повести, даже скорее новеллы, которые настолько различны, что ума не приложу, как их вместе оценивать.

«Коля, Ворона и Эмесси» – плоть от плоти советской детской литературы, и это я подчёркиваю не в укор, а в возвышение. Прекрасная дружба между Лёшей из Чебоксар и ни слова не понимающей по-русски Эмесси напоминает мне «Голубую чашку» Гайдара, его Пашку Букамашкина и Берту. И все фантастические допущения мало значимы: на самом-то деле они из одного мира, Эмесси по прозвищу Иволга и Лёша по кличке Ворона. Из мира алчущих и жаждущих правды. *Зато сейчас, когда вылезла уже молодая травка, только я выйду во двор, сощурю глаза и*

смотрю, как солнечные лучи проходят через ресницы и распадаются на все свои семь цветов – и тут же папа с балкона кричит:

- Алексей, позвони-ка по домофону!

Подхожу к подъезду, набираю номер квартиры:

- Да, пап?

А он говорит:

- Иди, поиграй с ребятами.

И маме за ужином он говорит:

- Алексей должен уметь играть в команде. Иначе каким он вырастет? Сейчас совершенно необходимо уметь действовать в команде. Я не представляю, в каком офисе потерпят такого заторможенного работника. Гляди на него – ворона вороной.

«Понорницкая с большей симпатией подаёт «старый» мир, нежели «новый». Да, мы так не ходим, не говорим и не думаем. А жаль»

Но что касается непосредственно «Цепочки из рукопожатий», советую познакомиться с ней поклонникам В.П. Крапивина. Катерина Ивановна, бабушка-девочка, – само воплощение преемственности, мостик от предков к потомкам. Её обаяние сродни

обаянию крапивинской Норы Аркадьевны из «Стеклянных тайн Симки Зуйка». Только облик поскромнее, понароднее, да культурный фон несколько другой: у Крапивина Киплинг и Гумилёв, у Понорницкой – Сергей Есенин. Несовременность («мы так не ходим, не говорим и не думаем») отмечают многие авторы комментариев. И действительно, Понорницкая с большей симпатией подаёт «старый» мир, нежели «новый». Да, мы так не ходим, не говорим и не думаем. А жаль. Между прочим, итог голосования внушает уважение: 7,06 баллов из десяти.

3/14 Это литература идей, и она обязательно будет востребована.

5. Друг-апрель.

Книга Эдуарда Веркина набрала 7,20 баллов из десяти и вызвала ожесточённую дискуссию комментаторов, перерастающую кое-где в ссору.

Мать попыталась пощекотать за пятку, но Аксён злобно дёрнулся. Мать отправилась на кухню и стала ругаться с дядей Гиляем по поводу газа. Что газ дорогой, и нечего на нём

плавить аккумуляторы, если хочет добывать свинец, пусть дрова в лесу рубит, утром люди просыпаются, и чай не на чем согреть...

Гиляй отвечал, что газа и так уже не было, он успел одну банку только выплавить, а газ и кончился, мать возражала ассиметрично, говорила, что дядя Гиляй просто конопатая сволочь, и спорить с ним по вопросам газификации она не намерена. Насчёт газа Аксён был согласен с дядей Гиляем, насчёт дяди Гиляя Аксён был согласен с матерью.

Эдуард Веркин давно работает в жанре детского фэнтези; у его произведений на удивление разнообразные заглавия, например, «Жмурик-проказник» и «Кошки ходят по перёк». Но на конкурс «Книгуру» Веркин выдвинул образец критического реализма.

Чугун, Аксён и Тюлька – братья от разных отцов. У их мамы алкогольные проблемы, она живёт с неким Гиляем, проходимцем и умницей. Чугун тоже попивает и нередко дерётся с Гиляем, братьями и вообще с кем удастся. Тюлька, получивший свою кликуху от рыбы, которой мучительно отравился, – сущие два-

дцать два несчастья. Как он выживает в неприветливой обстановке родного дома, диву даюсь.

Аксён... Аксён любит свою ровесницу Ульяновку. Не влюблён, именно любит. Как мясо любит соль.

Благополучные и культурные детки-за-ноутбуками знают такую среду по сериалам «про отстойную жизнь». У Аксёнов и Тюлек, к сожалению, нет компьютеров, со всемирной сетью они не в ладах. Я в их среде выросла, живу и буду жить дальше. Посему с наслаждением поставила бы роману Веркина, невзирая на всю так называемую чернуху и депрессивность, одиннадцать баллов из десяти. Ибо Веркин пишет не маски, а характеры.

Вот хотя бы дядя Гиляй... Не придумаю, с кем и сравнить-то его? С незабвенным Остапом Бендером или с отвратительным каверинским гаером Кулием? С Люблинским шукарем Исаака Башевиса Зингера или с Ве-

ничкой Ерофеевым Венедикта Васильевича Ерофеева? С горьковскими босяками или гриммовскими музыкантами? Таких типических и в то же время предельно индивидуализированных персонажей в русской прозе не вспомнить навскидку. Уже ради него одного имеет смысл «Друга-апреля» читать и перечитывать. И ради матери, её отчаянной мимоходной афористики: «А ты знаешь, что на свете самое одинаковое? Уроды! А ты знаешь, как по-английски «полупроводник»? Семикондуктор! У нас «полу», а у них «семи», в четырнадцать раз лучше... Поэтому так и живём...»

1/14 Так держать, маэстро.

4. Как люди научились понимать время

Наивысший же балл среди пресловутого научпопа – 7,25 баллов из 10 – заработал сборник очерков Петра Кошеля. Лаконичная, сжатая манера изложения, своеобычный суховатый юмор, великолепное знание предмета – все слагаемые успеха. Почему вечер длин-

нее утра? Как сконструировать себе на пользу и удовольствие водяного вора? Переделывать мировой календарь или так правда, в ампула лириков. Кандидат физико-математических наук И.Б. Крестьяева, пишущая под трудно воспринимаемым псевдонимом Ая ЭН (так!) представляет «Библию в SMS-ках», сокращённый вариант. Полная версия зани-

мает около шестнадцати авторских листов и запланирована к изданию в недалёком будущем. Но и будучи урезана согласно условиям состязания, «Библия в SMS-ках» вызвала и среди экспертов, и среди детского жюри масштабный диспут. Завязка «Библии» не вполне традиционна: сумасбродная бабушка завещает внучке трёхкомнатную квартиру в центре столицы лишь в том случае, если внучка полностью прочтёт Священное Писание. Легкомысленная девица не в состоянии осилить ни Ветхий Завет, ни Новый, и старший

«С наслаждением поставила бы роману Веркина, невзирая на всю так называемую чернуху и депрессивность, одиннадцать баллов из десяти. Ибо Веркин пишет не маски, а характеры»

брат решает пособить своей любимице: пересказывает ей содержание Библии с помощью SMS-сообщений. Для примера:

- И какое последнее откровение?

- Он сулит всякие язвы и беды любому, кто что-то приложит к словам Библии или отнимет от них.

- Но ты же приложил!!! И отнял!!!

- И что?

- А вдруг Иоанн прав, вдруг тебя ждёт... ну...

- Может, и ждёт... Но разве это повод врать или быть зомбированным идиотом?

С развитием сюжета в повествовании злоевеще возникают булгаковские мотивы: квартирный вопрос, таинственная встреча, роковая любовь и, наконец, разлитое подсолнечное масло. Финал же ввергает в недоумение. В качестве одного или, скорее, вместо одного к «Библии» пришпилен этакий коротенький эпилог в духе Вальтер-Скотта, где все герои – подставить стохастически: повзрослели, умерли от старости, поженились, погибли в автотрагедии, нарожали детей, сели в тюрьму, а по меньшей мере три человека по прочтении «Библии в SMS-ках» стали чаще думать Своей Головой. Именно так, с трёх прописных букв.

Отклики последовали разноречивые, и немудрено. Провокационность, легко читаемое просторечие, иногда переходящее в вульгарность, откровенное называние лопаты лопатой, излишняя прямолинейность, ироничное подтрунивание над религией – эти качества найдут и своих восторженных поклонников, и своих целеустремлённых преследователей. Счастливый титул самой спорной конкурсной вещи, вне всякого сомнения, присуждается «Библии в SMS-ках». Ну что ж, в спорах родилась истина – средняя оценка равна 8,05 баллам из десяти.

11/14 Следует почитать полный вариант, тогда можно будет судить о произведении. А так – очередная провокационная история, имеющая отношение к религии.

2. Время всегда хорошее

А самой неоспоримой должна была стать повесть минчан Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак (уместно добавить, тоже физиков по образованию). Тридцать баллов из тридцати – единогласно голосовал за неё экспертный совет. В центре сюжета: обмен временами. Ученица из компьютеризированного будущего «переезжает» в год 1980-й, а советский школьник – в 2018-й. Жвалевский и Пастернак – профессиональные литераторы, их перу подвластна и дамская романистика, и руководство для пользователей компьютера.

Сын обкомовца никогда не видел винограда и персиков. На политинформации семиклассникам рассказывают о проститутках. Дикие советские люди пьют воду прямо из-под крана и носят гнусные чулки в рубчик. А уж основная коллизия – паренька исключают из пионеров за то, что он угостил одноклассников куличом, – пардон, не есть возможна. Эти са-

мые куличи в восьмидесятом свободно продавались в булочных, только именовались «Кекс “Весенний”». А исключение из пионеров считалось таким беспрецедентным событием, что решалось не на уровне совета дружины – подымайте выше.

Да и будущее лучезарным не выглядит. Всеобщая компьютеризация достигла таких пределов, что учащиеся потеряли способность говорить друг с другом: сидят бок о бок и переписываются теми самыми SMS-ками. Учителя, спохватившись, решают проблему дедовским способом: лепят в журнал бесконечные двойки за устные ответы. Не знаю, чем провинились педагоги перед А. Жвалевским и Е. Пастернак, но и в минувшем, и в грядущем соавторы из Беларуси считают своим долгом изображать их монстрами, лишёнными представлений об этике. Обе проблемы благополучно разрешаются, и под занавес звучат слова отца:

А я ему [сыну] всё время говорю, что незачем путешествовать. Время всегда хорошее! Мы-то с тобой это точно знаем.

«Неужели путешествовать незачем? Неужели любое время хорошее: и грозовой девятнадцатый год, и кровавый тридцать седьмой, и сороковые-роковые?»

Неужели путешествовать незачем? Неужели любое время хорошее: и грозовой девятнадцатый год, и кровавый тридцать седьмой, и сороковые-роковые? Есть такая поговорка: кому война, кому мать родна. Цитируем интервью авторов:

А. Жвалевский: А я считаю, что книга о том, что и тогда было хорошо, и сейчас хорошо.

Е. Пастернак: Она так и называется.

Ну, я зауважала младшее поколение! Смена растёт! Спорщики, умники, не стыдящиеся своего ума! Так и подмывает привести полемику, разыгравшуюся между комментаторами, целиком, без купюр. Но такой демарш загрозит статью чрезмерными подробностями, так что, кому любопытно, ознакомьтесь на сайте книгуру.рф (домен кириллический), а я сниму, так сказать, сливки:

- Мне не понравилось категорически! ...это для нас не актуально. Но это не главное, а главное то, что эта книга ПОПСА, в ней реальные дети и проблемы заменяются на такое, так скажем, райское-коммунистическое. Всё, мол, будет хорошо, и время всегда хорошее! Чушь! Мой дед до сих пор верит в коммунизм, а теперь вы хотите, чтобы мы верили в то, что всё само собой будет хорошо?

- Это неправда! Время НЕ ВСЕГДА хорошее!!!! Ни за что не хотела бы попасть в прошлое!!!! Ещё один автор, который пишет прикольно, но во всем ВРЕТ!!!!

- Рекомендую авторам для возможного пересмотра своей точки зрения (как я наивен!) прочитать Кушнера «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

- Попса-то попса, но это так симпатично! и весело! и живо! и ярко! урарарара!

Подсчитаем-ка очки: 8,15 баллов из десяти. Похвально, авторов можно поздравить. А к организаторам конкурса снова появляются вопросы. Непонятное дело: соревнуются начинающие писатели и акулы пера, изданные книги с читательской историей и рукописи. Насколько это корректно?

13/14 Высококачественный продукт, но, досадно, – не больше, чем продукт.

1. Жирафы на парашютах

Весьма запоминающееся название «Волки на парашютах» дала своему сборнику новелл

Ася Петрова. Увы и ах, впоследствии волков переименовали в жирафов. Жирафы, что толковать, более мирные, но волки кажутся смешней. Оригинальность присутствует не только в названии.

Мама даже кастрюльку с кашей опрокинула. А папа ей абсолютно ничего не сказал. Маме можно опрокидывать кастрюли, потому что она всё убирает. Точно так же врачам можно убивать людей, потому что они лечат, учителям можно орать во всё горло, потому что они учат, а полицейским можно стрелять, потому что они волнуются о спокойствии людей. В общем, если ты что-то делаешь, то можешь делать и что-то противоположное.

Бесспорно, кому-то моё сравнение покажется натяжкой, но манера Аси Петровой, само построение «Волков/Жирафов» приводит на память бессмертные «Денискины рассказы» Драгунского. Сталкиваются высокий стиль и низкий, логика и алогичность, бытовое и вселенское, описания и рассуждения, и тем самым создаётся комический эффект, который одновременно заставляет задуматься. Многим родителям знакомо это беспощадное детское резонёрство, когда «юмор в коротких штанишках» оборачивается отнюдь не забавной стороной. Так осваивается, осмысливается окружающий мир. В рассказах А. Петровой и первая влюблённость, и первая ложь, и первое предательство, и потешный анекдот о том, как папенька с маменькой отучали своё чадо ходить голышом... И всё-таки целостного впечатления «Волки на парашютах» не производят. Слишком разношёрстны её новеллы как тематически, так и стилистически. Пусть год издания у них будет один, но даты написания разные, далеко друг от друга отстоящие. В некоторых местах жюри подмечает излишнее морализаторство, заигрывание с аудиторией, этакую псевдонаивность, присущую тем, кто чрезвычайно себе на уме. Насколько вообще уместна претензия на философские обобщения в детской книге? Впрочем, сделаем скидку на то, что «Волки» – это дебют, и пожелаем молодому прозаику творческих успехов. 8,97 баллов – восхитительный результат.

9/14 С безоговорочным признанием колоссального потенциала писательницы.

Рай где-то рядом Фэнни Флэгг

О том, как построить свой
собственный рай

<http://www.livelib.ru/review/103987>, автор: greeneyedgangsta

«Что толку писать романы? И что толку их читать?» Возьмите любого старика или старушку за шестьдесят — и вот вам история поинтересней всякого романа, ни один писатель такого не выдумает!

Конечно, назвать романом книгу «Рай где-то рядом» язык не поворачивается (уж слишком это слово «роман» тяжёлое, грузное, веет от него какой-то драматичностью), но история получилась хоть куда! Не знаю, дело ли в том, что речь шла именно о старушке за шестьдесят, но факт остаётся фактом — Флэшмоб 2011 я заканчиваю под звуки фанфар и с широкой улыбкой на лице — это была лучшая книга из всего присоветованного, за что и спасибо telans!

Итак, книга повергла меня в шок после первых же страниц: есть старушка 80+ лет от роду, *«кроткая румяная старушка с белоснежным пучком на затылке»*, — но она упряма, туга на ухо и *«дверей тётя Элнер не запирает, и питается неправильно, и к врачу не ходит, а главное, запрещает наводить порядок»*, — и всё бы ничего, но старушка-божий одуванчик любит названивать родственникам в пять утра с вопросами типа «что было раньше: яйцо или курица?». А фамилия у неё какая — Шимфизл — бббrrrrr. Тихий ужас!

Но вот что интересно — в старушке души не чают, все её знают, все к ней прислушиваются,

поверяют свои тайны и бегут к ней за советом. Чудеса, да и только! Но вот дифирамбы старушке мне начинают надоедать, и я уже готова поставить жирный крест на так хорошо начавшемся повествовании, когда происходит ЭТО. Ох уж этот Рай! И всё так красочно, и так всё позитивно, что так и хочется удариться в философию и сделать вывод: Рай — это возможность жить в наших воспоминаниях о прошлом.

И снова я немного подустала от райской жизни в раю, и снова происходит ЭТО, и, казалось бы, жизнь входит в привычную колею, а нет — всё изменилось, все изменились, только старушка Элнер осталась всё той же, разве что стало у неё на одну тайну больше.

А какая у книги атмосфера! Маленький провинциальный городок, крепкая дружба между соседями — идиллия и позитив; маленький мирок, в который нет-нет да и ворвутся новости извне, пронесутся по Элмвуд-Спрингсу, и вот Тотт Вутен в очередной раз сетует на жизнь со всеми её 11 сентября, расизмом, современным телевидением и виагрой :) Да уж, пессимизма ей не занимать, но она пришлась мне по душе, есть в ней что-то от меня — люблю я побурчать. И каково же было моё удивление, когда Тотт:

«как только спустилась с трапа — вмиг преобразилась! Говорит, в прошлой жизни

была, наверное, гавайской принцессой, потому что от счастья порхает как птичка и чувствует себя как дома», — ну точно я, вот только гавайские наряды у меня хранятся для особых случаев, а по Вайкики и в джинсах сойдёт :)

Норма... Источник хорошего настроения. Нехорошо, конечно, — у человека нервы, а мне смешно. Ну а как не рассмеяться-то?

«О УЖАС! Весь нос в красной сыпи! Вот и пришла беда. Вот и случилось самое страшное — у неё рак кожи. Норма опустилась на пол, чтобы не упасть без чувств и не разбить го-

лову».

В общем, вот такая получилась книга — где-то предсказуемая, где-то совершенно неожиданная, грустная, весёлая, в ней есть и прошлое, и настоящее, и даже кусочек будущего. В ней бесполезно искать высший смысл или руководство к действию, её нужно просто читать и, зарядившись положительными эмоциями, строить свой собственный рай здесь и сейчас. P.S. Пошла на кухню печь Райский карамельный пирог Соседки Дороти :)

Синяя кровь Юрий Буйда

Что поможет человеку вырваться из плена пустоты?

<http://www.livelib.ru/review/105341>, автор: Natalli

Поначалу было трудно поверить в абсурдный мир жителей городка Чудова, где обитают знахарка Свинина Ивановна, директриса школы Цикута Львовна, пьяница Люминий, банщица Муму, Забей Иваныч, Лошадка, хозяйка ресторана Малина и другие персонажи, но очень скоро я втянулась и стала вместе с ними проживать все перипетии их фантастически сложных судеб. Легко и непринуждённо переходя от одного персонажа к другому, от одной истории к другой, как в танце, автор показывает нам всю вековую историю жизни чудовцев. Они все у него наделены яркими, живыми характерами, их бытие обрастает узнаваемо точными деталями, так что невольно начинаешь верить в их реальность.

Как они жили? А плохо жили! Не везло им. Места там гиблые — топи да болота. Вода их враг. Она смывает всё. Они строят, а она смывает. Вот и кладбища у них нет, потому как весенний и осенний паводок размывает все мо-

гилы. Вот и решено было построить в городе крематорий. Он играет в их жизни огромную роль! Как там с обрядом крещения — неизвестно, но вот похороны это всегда грандиозный спектакль с шествием и непременно запуском в небо голубки, как символа освобождения души, специально обученными девочками.

Другой их враг — пустота. Она терзает их души, и все они маются. ПУСТОТА. Она порождает зло, она убивает. Пустота Ю. Буйды чудовищна. Она сводит с ума, толкает на преступления и невиданную жестокость. Каждый по-своему пытается заполнить её в своей жизни.

Можно любовью, ведь она основа всего. Да, пытались. Любовь в романе есть, но это скорее животная страсть, чем объединяющая и создающая сила. К тому же, она губительна и опасна смертью. Вот Забей Иваныч. Всю жизнь носил возле сердца фото своей любимой как талисман, который помогал ему выжить в вой-

ну, но сам предмет любви ненавидел лютой ненавистью. Не странно ли? То же и Алик: любил и ненавидел, и непонятно, что больше...

Можно заполнить пустоту творчеством. Здесь хотелось бы подробнее рассказать о главной героине Иде Змойро. Кто боится спойлеров — не читайте этот абзац! Дольше всех, до своих 85 лет, она боролась с ней. С детства мечтала стать актрисой, и мечта её сбылась. Она побывала на вершине славы, снималась в кино, играла в театре, получила Сталинскую премию. Но не всё так просто. Три раза она оказывалась «у разбитого корыта». Первый — когда попала в автокатастрофу в 19 лет, и её внешность была непоправимо изуродована, второй — когда поссорилась с режиссёром, и не было ролей, и третий — когда, вернувшись из-за границы, вновь оказалась в

Чудове. Чем были заполнены все эти годы? Просто жила. Репетировала роли «для себя», отмечала дни рождения «своих сообщников» Расина, Гоголя, Чехова, Мольера и пр., а ещё занималась с девочками хореографией, готовя их в «голубки». *«Она хотела просто жить, просто играть, просто любить, то есть хотела быть*

счастливым распадом обычной жизни, где всё левое — просто левое, а правое — просто правое»,— говорит о ней автор. Но и это удавалось с огромным трудом.

Ида много размышляет о сути труда актёра и, вслед за своими учителями, Фимой и Кабо, приходит к выводу, спорному, конечно, что *«актёр не мир, а скрещение миров, он возникает и живёт на грани миров. А не сам по себе, потому что сам по себе он никто... Мария Стюарт, Нина Заречная, Йерма, Федра... только маски, маски, маски, а под ними — никто. Никто, способное всё вместить, но неспособное никого спасти, неспособное хоть кого-нибудь полюбить по-настоящему, как иногда любят люди»*. Может, поэтому не удалось ей найти общий язык со странным, очень жестоким мальчиком из детдома, взятым ею на воспитание, «который задыхался и

покрывался прыщами, когда слышал слово «любовь». Материнство тоже не спасло её от пустоты и одиночества.

И всё же она упорно продолжает творить искусство. Играет сама, учит играть других: *«Искусство — это когда всё правильно, только и всего. Старик Слесарев говорит, что если гвоздь забит правильно, то Бог существует, и мир может быть спасён. Я хочу, чтобы все гвозди были забиты правильно»*. И вот, когда ей уже стало казаться, что удалось изменить жизнь к лучшему, девочки-голубки стали исчезать. В романе кольцевая композиция: с описания исчезновения «голубок» начинается повествование, этим же он и заканчивается, наступают развязка, и мы узнаём, куда и по чьей воле они пропадали. Ида ставит свой главный спектакль и блестяще играет в нём свою

«Роман номинирован на премию «Большая книга» за 2011 год. Насколько ему повезёт — не знаю, но думаю, что повод надеяться у Ю. Буйды есть»

последнюю роль, чтобы был найден виновник. Только вот я пока не решила: победила Ида или проиграла...

Однако роман называется «Синяя кровь». О чём это автор? Нет, синяя — это не то, что голубая. Люди с синей кровью ведут нас вперёд, *«власть над людьми требует силы, особой силы. Чаще всего такой силой обладают люди с синей кровью»*. Вопрос

в том, что это за сила, добрая ли она? Или сила не бывает злой или доброй? Делает ли она человека счастливым? Удаётся ли вырваться из плена пустоты людям с синей кровью?

Да, безрадостную картину жизни рисует автор, мрачную и безнадежную, вполне в духе постмодерна. Картину жизни как она есть: пустота, вода, огонь, голубка, душа, синяя кровь, любовь, смерть... *«музыка чуть слышна, ...на дождь похожий лепет в вышине... соловей и жаворонок... оркестр... серебро и медь... пахло лимоном и лавром... морвал и мономил...»*.

P.S. Роман номинирован на премию «Большая книга» за 2011 год. Насколько ему повезёт — не знаю, но думаю, что повод надеяться у Ю. Буйды есть.)

Исповедь экономического убийцы

Джон Перкинс

Откровенно о секретах мировой
экономической политики

<http://www.livelib.ru/review/104615>, автор: kandidat

Непростая книга, знаковая. Лекарство от наивности, прививка от аполитичности. Эту книгу мне нужно было прочитать. А покупала я её для супруга. Он не нашел в себе сил дочитать до конца. Я прошла этот непростой путь. Читать было непросто, местами даже сложно. Эмпатия (погружение в позицию другого человека) становилась невыносимой, я понимала, что ещё чуть-чуть и полностью разочаруюсь в своей профессии (экономист, менеджер). Нет, книга не предлагает каких-то дешёвых сенсационных доносов, по сути, всё в ней топчется вокруг того, что становится ясным уже после 1/3. Но такие вещи важно знать и понимать. Я могла бы сказать, что такие вещи важно знать и понимать любому человеку планеты Земля, но это однозначно уж слишком. Многие далёкие от экономики и корпоративного бизнеса люди это поняли по наитию, и они скажут, что книга отстала от скорости их мысли и понимания лет на 5 или более. Другие, умудрённые знаниями в специальной области, скажут, что не согласны с идеями автора. НЕ исключаю, что некоторой части общества она вообще покажется невероятно неинтересной и даже скучной. Но мне эту книгу прочесть было нужно. И я найду и прочту следующую работу Джона Перкинса, да и недавно совсем вышло его видение краха финансовых рынков. Это я тоже хочу у него прочесть.

Стиль и сюжет в подобных книгах мне видятся не особо значимыми, вы уж простите мне мою темноту и невежество в этом вопросе. Здесь для меня важнее были мысли очевидца, вкраплённые в канву описания им реальных исторических фактов. Новейшая история США во взаимоотношениях с МРС (менее развитыми странами – сокращение, использованное в книге), история этих самых МРС Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока. О России там практически ничего нет, не ожидайте. Россия упоминается ещё как СССР, коммунистическая зараза и угроза (почти дословно по тексту). Я выросла в 80-е и 90-е. И хоть и была несмышлёным ребёнком, многое из описанного в книге слышала. Имена, события. Джон Перкинс прав, что то, что родилось у него в муках при написании этой исповеди (он раскрыл собственную неприглядную роль в этих процессах), сегодня можно увидеть в прессе, но вскользь, я вот даже внимания на такие знаки не обращала до прочтения этой книги. Связь США с Аль-Каидой, причины террористических актов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, гигантские американские ТНК (транснациональные корпорации), распустившие свои щупальца по всему миру с целью вытянуть соки для развития экономики одного государства, обогащение части богатейшего населения мира за счёт беднейшего, гигант-

ский внешний долг США, одной из богатейших мировых держав, грозящий стать проблемой для всей мировой экономики и т.д. и т.п. Не хочется раскрывать все карты, вдруг кто-то решится прочесть книгу.

Почему я сказала, что чуть не разочаровалась в профессии? Я вообще давно и много об этом думаю. Политика, завязанная на экономике, потому как экономика = нефть и углеводороды = деньги. А политика и нужна для того, чтобы подобраться поближе к деньгам. Каждый, кто сегодня участвует в обосновании актуальности экономического роста, маленькой (а иногда и весьма внушительной) лопаткой роет могилу человечеству, в которую оно с радостью и гиканьем ухает. О, я слишком далеко зашла. Всё равно спорить по этому поводу мне не хочется, говорю сразу. Мне ещё о многом нужно подумать.

Обсуждение:

alinainp:

Наталья, а мне кажется, нет, я уверена, что мы с Вами не виноваты в наступлении кризиса. Я придерживаюсь позиции моего научника, что он искусственно объявлен теми, кому это было нужно. Хотя, может быть, он и не прав. В этом мире вообще всё относительно.

Есть ещё у Старикова книга «Шерше ля нефть». Там опять-двадцать пять о том, что нефть — это наше всё, и она повинна во всём. Но есть и ряд мыслей другого характера. Я бы посоветовала Вам её тоже прочитать, потому как мне она действительно принесла пользу. А именно: пока я сидела на лекциях в своей академии и слушала своих коллег — науч. сотрудников, в моей голове непрестанно роились мысли относительно позиции Старикова и лекторов-экономистов. Я о чём-то думала, размышляла, принимала ту или иную позицию, опять-таки, в своей голове.

kandidat:

Алина, я точно виновата, потому как я преподаю. В частности, я могу донести многие вещи, которые помогли бы пересмотреть свою позицию ряду специалистов, но мне это редко удаётся. Я сейчас много рассказываю о лич-

ном финансовом планировании, о потреб-кредитовании...

__Nemo__:

Всё, чего достигла цивилизация англосаксов, всё создано на потреблении. Хотелось бы услышать доводы, почему это не потреблять? Ведь очевидно, что люди лучше живут именно там.

kandidat:

Лучше в чём выражается? «Лучше» у каждого своё. Да дело не в этом. Потребляйте на здоровье. Но чем больше мы потребляем, тем активнее вырубаются ливневые леса где-нибудь в Эквадоре для разработки невероятных по своим запасам месторождений нефти. А вам оно СТОЛЬКО надо?

На своих лекциях я говорю об опасностях потребительских кредитов, устраняющих «потолок» потребительских желаний, который и так в результате развития рынка и открытия границ сорвало и унесло у россиян, к примеру.

sparrow_grass:

За книгу говорить не могу, её не читала. А так, в жизни много что делается, глупо говорить, что раз человек и так помрёт, так пусть и не лечит свою болезнь. Во многих европейских странах люди стараются покупать своё, например, во Франции местная клубника, хотя и стоит дороже немного, чем испанская, но, во-первых, люди покупают из чувства солидарности со своими фермерами, во-вторых, местная и правда вкуснее, её везут ближе; воду они очень экономят, равно как и газ, например, налоги платят большие... Многие, даже совсем простые люди презирают всякий ненужный вещизм и стараются покупать только необходимое, по возможности, добротного качества. Про Францию говорю, потому что лучше её знаю, быт очень сильно отличается от американского. Это так, быт, но он тоже важен. Всякие солнечные батареи, ветряки, электро-мобили — всё это технологии будущего, которые уже сейчас работают потихоньку. Выход есть. Добровольное самоограничение потихоньку, но работает. Ещё очень мне близки разработки технологий, когда, например, европейская компания, вместо того, чтобы выно-

сильное грязное производство в страны третьего мира, у себя на родине создаёт хорошие тех-нологии, по возможности чистые, соответствующие высоким экологическим стандартам, и занимается производством сама, одновременно обеспечивая рабочие места, проводя собственные научные исследования и тем самым совершенствуя

своё производство.

Там, где жизнь зажимает сильнее, там это сильнее работает, там, где не зажимает, работает меньше, но тоже многие стараются головой жить. Расплачивается Европа за порядок вещей тоже прилично, это — мигранты, дети которых часто оседают на шее общества балластом, расплачиваются ещё много чем, более неприятными вещами, и не только Европа, ко-

Град обреченный Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Система и личность

<http://www.livelib.ru/review/105763>, автор: Empty

Имеют место спойлеры!

Впервые читал ещё школьником и ~~ни черта не понял~~ воспринял роман просто как нестандартную фантастику. Мне всегда нравилось, как АБС умеют облачить довольно сложные социально-психологические и философские концепции в форму динамичного экшна; это делает их работы интересными и понятными для читателей разных возрастов и уровней эрудированности.

Так что же представляет собой «Град...»? Перед социальной фантастикой ставится задача: создать модель общества и ввести в неё героев, мыслящих и действующих в рамках её законов и правил. В данном романе Стругацкие пошли по пути «бритвы Оккама» — и перед нами Эксперимент. Абсурдный, полностью сюрреалистический мир со своей физикой, историей, социальными и политическими законами. Уход от какой-либо привязки к реальному миру дал авторам практически

неограниченный инструментарий — в Городе живут люди разных национальностей, общающиеся на одном языке, они «выдернуты» из реального мира в разное время — от 30-х до 70-х годов прошлого века — со своими системами ценностей, образом мышления, манерой действовать. Взаимодействие персонажей, живших на разных исторических срезах, придаёт особую остроту и вычурность проблемам, возникающим в Городе.

«Град...» по сути — антисоветчина. Явного соответствия между событиями в Городе и Союзе нет — оно и понятно, тогда бы «Град...» вообще не издали, — но психологическая обстановка и «цели» совпадают точно: от энтузиазма и чистой теории, от стремления к всеобщему благу через всеобщие неурядицы до брожения умов и застоя — повышения уровня жизни каждого с частичной потерей идеологии масс. Что, в свою очередь, приводит к ситуации сродни «Пражской весны». Но вмес-

то «социализма с человеческим лицом» авторы ведут свой мир к... парадокс: фашизму со всё тем же «человеческим лицом».

Герои. Типичность героев, схематичность и «чистота видов» давно стали показателем непрофессиональности автора. Но в данном случае именно «аутентичность» персонажей как нельзя лучше соответствует концепции Эксперимента. Каждый – сборный персонаж, отождествляющий собой целый класс общества. Андрей Воронин – ключевая фигура, один из тех, кто «был никем и стал всем». В начале книги он – настоящий закалённый винтик в сталинской машине, куда бы его ни завинтили, – стойко и упорно несёт службу, осознавая, что «все профессии важны, все профессии нужны». Изя Кацман – типичный еврей-диссидент, харизматичный, неуравновешенный, иронично-провокационный; он служит кем-то вроде совести и трезвого рассудка Андрея. Его оппонент – Наставник, символ самообмана, «успокоительного» для совести. Ван – эпизодичный, но в то же время очень важный для понимания книги персонаж – тот самый кадр, который решает всё... Кэнси – типичный же японец, верность принципам и закону преобладают над собственными желаниями. Немцы Гейгер и Фижа: первый – настоящий идейный фашист, «его борьба» – выражение его понимания всеобщего счастья, второй же – пригревшаяся «шестёрка», и мотивы «его борьбы» куда прозаичнее – страх и жажда жизни. Ну и дядя Юра Давыдов – тот самый мужик, кулак со своей «мужицкой правдой», общительный, развязный, «душа компании», держащий под сеном «максимку», так, на всякий случай...

Поиски себя заводят Андрея в Красное Здание – один из множества символов, которыми насыщен роман. Здание, как выражается Изя, – «бред взбесившейся совести», своеобразный внутренний мир – внешне одинаковое, оно имеет для каждого совершенно разную внутреннюю обстановку. Здание несёт ключевое значение в сюжете, после визита туда в душе Андрея происходит надлом, ведущий к дальнейшему полному краху его идеалов. Последняя часть книги – «Исход» – настолько же оторвана от Города, насколько город оторван от реальности. Андрей и его «Вергилий» Кацман бредут из ниоткуда в никуда. Придя к

«краю на земле», они в скором времени уходят оттуда, зная, что впереди неминуемая гибель. Самурай? У которых есть только путь, и путь самурая – смерть? Я это понял именно так, может, какая другая мысль вкладывалась в текст авторами.

А если по сути? Что есть в романе, кроме философии и самокопания? Ой, да много чего! Стрелка на датчике иронии дошла до края шкалы, упёрлась в шпиндык и согнулась. Все эти орангутанги, живущие бок о бок с людьми, солнце, зажигаемое и гасимое по приказу властей, памятники-идолы, пережившие своих жрецов и обретающие собственную жизнь... Одна шутка о том, что по ночам будут выпускать психов, дабы бандиты боялись выходить «на дело», ставшая впоследствии нормой жизни – злая пародия на противоестественные законы, внедряемые советской властью. Что уж говорить о революции и её предпосылках в видении авторов... Тонко, злобно, местами смешно, но всё больше страшно.

Понравился, очень понравился роман. Слабые места если и есть, то я их не заметил. Четыре же звёздочки вместо пяти ставлю чисто из-за личного несогласия в некоторых вопросах с авторами, в частности, с тем, что аллегорическая советская культура не дала миру ни одного гения искусств.

Ну и напоследок – цитата, фраза Кацмана, подытожившая «путь» Андрея:

«...мне жалко стало тебя – вижу, что созрел человек, сжёг всё, чему поклонялся, а чему теперь поклоняться – не знает. А ты ведь без поклонения не можешь, ты это с молоком матери всосал – необходимость поклонения чему-нибудь или кому-нибудь. Тебе же навсегда вдолбили в голову, что ежели нет идеи, за которую стоит умереть, то тогда и жить не стоит вовсе. А ведь такие, как ты, добравшись до окончательного понимания, на страшные вещи способны. Либо он пустит себе пулю в лоб, либо подлецом сверхъестественным заделается – убеждённым подлецом, принципиальным, бескорыстным подлецом, понимаешь?.. Либо и того хуже: начнёт мстить миру за то, что мир таков, каков он есть в действительности, а не согласуется с каким-нибудь там предначертанным идеалом...»

Звёздная бабочка Бернард Вербер

Головокружительные котики

<http://www.livelib.ru/review/104892>, автор: satanakoga

Сети букривера принесли Вербера, о котором я раньше только краем уха слышала. Ну, думаю, приобщусь, пора. Тем более, что я обожаю книги про человечков в замкнутом пространстве. Ясное дело, если поместить нескольких человечков в запертую комнату, то мочилово не за горами. Здесь же обещано было мочилово эпическое: 144 тысячи человечков и гигантский космический корабль, который летит к новой Земле.

В итоге, конечно, посмеялась. Это такой беспощадный бред, что иначе нельзя воспринимать, только с юмором.

Написано просто. Ну очень просто, для среднего и старшего школьного возраста. Вроде бы в книге полно насилия, но оно как-то закруглено, сглажено, набросано лёгкими штришками, чтобы не пугать лишний раз публику.

Переводчику, конечно, большой и пламенный привет, например, за *«Наконец их тела переплелись в страстном акте любви. В момент экстаза прекрасная рыжеволосая мореплательница, изогнувшись, громко зарычала от удовольствия, и этот мощный звук несколько раз отразился от стенок Цилиндра»*.

Но самый большой привет, конечно же, автору:

за неожиданные сюжетные повороты. Чёрт, меня поразил один момент, а если кратко: ко-

рабль взлетает, за ним гонится полиция с автогеном, а тут двигатели замёрзли. Учёный потыкал кнопки и сказал, что ничего не может сделать. И тут, опа! Врывается котёнок, нажимает лапкой что-то... заработало!

«— Смотрите, котёнок что-то включил! — завопила Каролина.

— Ах, чёрт! — сознался изобретатель. — Я просто об этом забыл! Эту кнопку на прошлой неделе мне предложил добавить один молодой конструктор. Она запускает автоматическую операцию по прочистке насосов, подающих горючее в двигатели, и предусмотрена как раз на случай мороза».

Не знаешь, что делать? Пригласи котика!
за предусмотрительность главного героя при соблазнении дамы:

«— Будь нежен со мной, — с улыбкой проворковала Малори. Ив застучал по клавиатуре системы управления. Включилась медленная музыка, громкость которой постепенно увеличивалась. Мужчина отыскал свечи в выдвижном ящике, расставил их по комнате, зажгёт фитили, а затем погасил верхний свет».

Между прочим, действие происходит в рубке космического корабля, так что будете в схожих обстоятельствах — не забудьте свечи!

за глубокие познания в животном мире:
«То, что Домино — это кошка, выяснилось после того, как она родила множество чёрных,

белых и рыжих котят. Однако она не стала жить вместе с отцом своих детёнышей. Она была слишком занята действиями по достижению собственной цели: совершать головокружительные прыжки».

за мораль:

мусорить — плохо! убивать — плохо! заниматься спонтанным и невдумчивым сексом, даже если вас всего двое на всей Земле — плохо! человечество, это плохо, плохо, плохо, на газетку, не на пол, и больше так не делай!

В целом осталось впечатление, будто мне толкают какую-то простенькую поп-буддистскую философию. Этакая наивная полубиблейская каша-лайт для мальчиков и девочек — взрослых и не очень, впечатлительных, слегка романтических, а возможно, даже трепетных.

В рецензиях прочла: «...именно из-за этого автора я стала более любознательной, и ГОРАЗДО БОЛЬШЕ расширился мой внутренний мир». Вот да, именно для вас и написана эта книга. Не для меня.

Гордость и предубеждение и зомби

Джейн Остин, Сет Грэм-Смит

Скучные зомби и прочие неприличности

<http://www.livelib.ru/review/105827>, автор: TibetanFox

Браво, Грэм-Смит! До этого момента я искренне полагала, что любая вещь при добавлении зомби становится прекраснее. Но Грэм-Смит напрочь рвёт шаблон, умудряясь сделать зомби скучными.

Вообще, он фантастическим образом умудрился (на мой взгляд) не угодить всем. Поклонники Джейн Остин закидают его несвежими продуктами за надругательство над любимым произведением (кстати, совершенно не назвала бы это надругательством, потому что посмеивается над помпезностью слога и действия он весьма добродушно). Любители зомби и трэша расплачутся, что зомби в итоге получилось совсем мало, до неприличия мало.

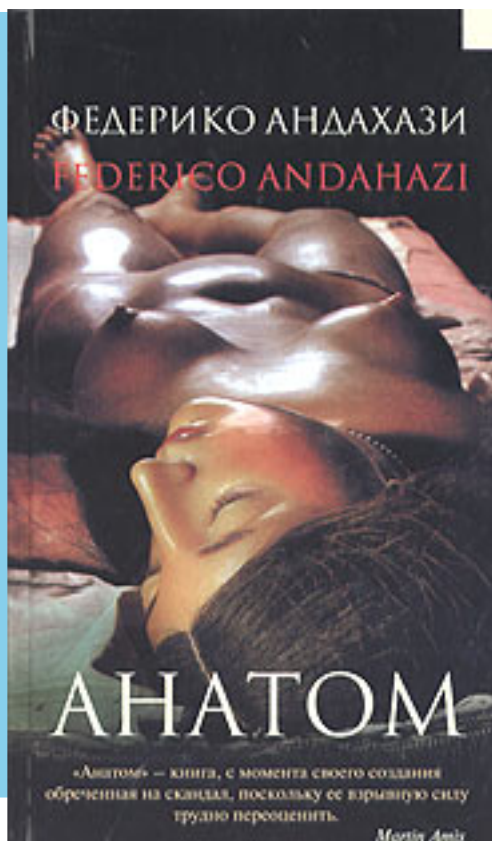
А сетевые тролли (которым и вовсе, впрочем, не угодишь) пойдут зудеть, что Грэм-Смит страдает литературной импотенцией, захотел прославиться на халяву, ерунда эти ваши постмодернистские идеи, а не искусство.

Минусы. Совершенно непонятно, каким образом зомби связаны с боевыми монахами Шаолиня. Из боевых монахов и ещё какого-нибудь классического сюжета можно было слепить отдельную литературную химеру с козьими ногами и головой льва, а вместо всех поз журавля оставить старую добрую пулю из мушкета промеж зомбьих глаз и больше (больше!) гниющей плоти. Совершенно грустно ещё и то, что из-за этих шаолиньских при-

блуд главная героиня начала страдать совершенно явной шизофренией, потому что характер автор изменить не потрудился (или не решился), поэтому на странице А Элизабет нежно воркует и хлопает ресничками, а на странице Б вырывает из чужой груди сердце или размышляет о порке бамбуковым шестом. Просто вставить несколько сцен с зомби в роман, не попытавшись даже как-то состыковать с ними характеры и сюжет – баловство и ерунда, просто плохое перемешивание двух разнородных текстов. Кстати, могу порекомендовать прочитать именно этот вариант тем, кто «Гордость и предубеждение» не читал и побаивается читать из-за возможной скучности. Здесь то же самое, только чуть более кратко. Практически ничего не изменилось даже во второстепенных событиях, единственное более-менее значительное изменение, которое позволил себе автор (и которое, кстати, са-

мое смешное и удачное во всей книге) – сага о том, как Шарлотта постепенно превращается в зомби, а её муженёк восторженно охает над ней, как у них всё замечательно.

Плюсы. Пожалуй, это сама идея, которая лично мне нравится. Ну и, конечно, оформление. Я точно знаю, что не буду перечитывать эту книжку, но она так красиво смотрится на полке рядом со своей сестрой «Разум и чувства и гады морские» (которая, как мне все говорят, более удачна), а картинки внутри, стилизованные под старую графическую технику, но при этом изображающие зомби и прочие «неприличности» (отвратительное слово, кстати, выбрали для обозначения зомби в тексте романа), просто прекрасны. Если так посмотреть, то все плюсы второстепенны, скандальная реклама раздула из романа гораздо большее, чем он на самом деле является.

Анатом Федерико Андахазы

Свобода чувств и знаний

<http://www.livelib.ru/review/104634>, автор: smereka

Книга написана профессиональным психоаналитиком, разочаровавшимся в необходимости своей профессии («стал замечать, что, приходя ко мне вполне здоровыми, люди зачастую уходят «усугубленными», что ли...»), прекрасно знающим, что корень всех неврозов и

психозов лежит в неудовлетворённости основных природных инстинктов человека.

«Нам не следует стыдиться искушений, напротив, чем чаще нам удаётся их преодолевать, тем сильнее и многочисленней оказываются наши душевные страсти».

«Ничто не существует вне Бога»: и

страсти, и чувственность, и жажда любви и познания законов мироздания, табуированные для общества догматами средневекового христианства («не возлюби», «не возжелай»), но легко нарушаемые папами и кардиналами (даже священное «не убий»), — основная мысль книги.

Ф. Андахази предлагает читателю выдуманную историю, происходящую в период расцвета Инквизиции, отголоски доктрин которой, преследующих цель полностью подчинить себе не только государственность, а поработить каждого самого незначительного индивидуума, мы пожинаяем и сегодня. Это не только ужесточение постов, источающих тело, а впоследствии обессиливающих и дух, а и лишение последнего протестного выбора человека — самоубийства вследствие ограничения прав наследников и запрета последних духовных отправлений усопшего, гонения на науку: на стремление познать человеком самого себя и законы природы. (Недаром в повести обыгрывается взятая на вооружение Инквизицией «Метафизика» Платона, лишившего в своём труде женщину даже души). Очевидно прекрасное знание автором современных той эпохе взглядов в философии, богословии и медицине. Сам Ф. Андахази утверждает, что в «Анатоме» цитируется реальный учёный труд Матео Колона «De re anatomica», который датируется 1559 годом.

Автор мастерски, достоверно передаёт атмосферу и дух времени, когда любое несогласие, идея, противоречащая установленным Инквизицией канонам, объявлялись ересью и вели через пыточные камеры на костёр, показывает реакцию Инквизиции на «открытие» героем «американки» женского организма — источник и путь чувственного наслаждения женщины: народ не должен быть счастлив, даже кратковременно пребывать в блаженстве и удовлетворении.

«Что, если открытие... окажется в руках врагов Церкви? С какими бедствиями столкнётся христианство, если объектом греха овладеют... сами дочери Евы, не дай Бог, поймут, что у них между ног — ключи от рая и ада?»

Впрочем, в руках церкви... находка могла бы оказаться чудесным средством направить капризное и строптивое стадо на путь добродетели и святости — к примеру, уничтожив прибежище дьявола в теле женщины. Если этот орган ответственен за грех, то почему бы с самого начала не избавить всех женщин от сладострастного Amor Veneris? Важным, насущным было любой ценой сохранить открытие в тайне. Поэтому комиссия намеревалась вынести приговор, открывающий путь суду Святой Инквизиции. Душой доктора богословия склонялись — в силу привычки и естественного расположения — к светлому пути костров...

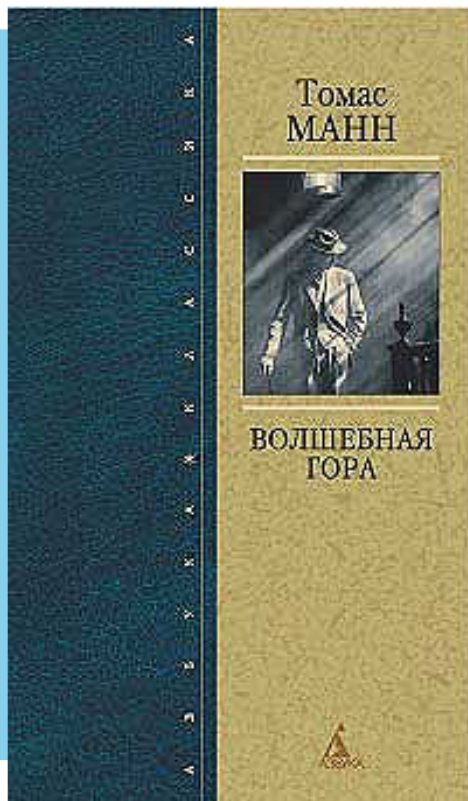
В какие невероятные беды будет ввергнуто человечество, если Зло завладеет волей женщин? — задал... вопрос декан, давая понять, что женской волей должны завладеть именно его, декана, намерения, разумеется, во имя Добра».

Книга Андахази — о праве человека на свободу: свободу познавать и знать, свободу поступать, свободу чувствовать. Об опасности догм и извечной угрозе тотальной власти: неважно, религиозной или государственной. Потому что отдельный человек бессилён перед этой страшной машиной насилия и порабощения. Даже если его единственной целью на «крамольном» пути познания была любовь дамы сердца, как у героя «Анатомы».

В некоторых общинах христианских стран и во многих странах мусульманского мира и сегодня девочкам удаляют Amor Veneris, варварски лишая навсегда значительной части жизни. И потому во многих странах и рядом религиозных общин книга была объявлена «скандальной», хотя я в книге, во всех её разнообразных и неосвящённых здесь аспектах, не увидела абсолютного ничего непристойного или смущающего.

«И сегодняшний день Аргентины, как и множества иных стран, оказывается дурным повторением истории цензурных гонений», — говорит Ф. Андахази. И подтверждением тому — запрет на въезд Ф. Андахази в некоторые страны и история с вручением ему первой премии аргентинского Фонда Амалии Лакроче де Фортабат.

Потому книга актуальна и, на мой взгляд, совершенно не эпатажна.

Волшебная гора

Томас Манн

Цена жизни и цена успеха

<http://www.livelib.ru/review/106570>, автор: countymayo

Бывают романы самочитальные, как самоигральные пьесы. Лёгкие, естественные, родные и близкие. «Волшебная гора» не должна бы относиться к их числу ни по объёму, ни по странной философии, ни по мрачности предмета: санаторий для чахоточных, куда как мило! А вот поди ж ты, как быстро и радостно мне читалось. Видно, роль сыграл личный опыт; до «Синего Генриха» дело моё не дошло, однако ажиотаж ежечасного измерения температуры знаком до слёз.

Ах, вам ещё не представили Синего Генриха? Ну, так это банка для мокроты. Немая сестра — градусник без делений. Дезертировать под знамёна — прервать лечение. *Moribundus* — тот, кто вскоре умрёт.

Из-за личного опыта, будь он неладен, идиотски завидую Гансу Касторпу и его друзьям по несчастью. Ах, в юности, в первом цветении взять тайм-аут и, пока сверстники брызгаются в болоте страстишек, карьерочки, попок, тихо смотреть на них с Горы. Хотелось написать «поплёвывать», но Ганс не тратит сил даже на плевки. Этот юнец, чью обычность, стандартность Манн тонко подчёркивает, в тепличной, оторванной от всяких там животрепещущих проблем обстановке обрёл и наставников, и оппонентов, и верных товарищей, и

великодушного соперника, и святую любовь. Джентльмены, прочтите «Волшебную гору», подборка прекрасных дам хоть скорректируется. Клавдия Шоша [*Chaud chat*, тёплая кошка?], она... Не упустите знакомства.

Романище просторен, высок, напоён целебным горным воздухом. Отдыхайте по своему вкусу. О мадам Шоша я уже предупредила, можете следить за судьбой серебряного карандашика. А можете послушать дискуссию между высокоумными Сеттембрини и отцом Нафтой — но осторожнее, один фашист, другой хуже фашиста. Похихикайте в кулак над Штёрихой, повосторгайтесь мингеером Пеперкорном, он это любит. Хотите, доктор даст вам книжки по биологии, а то полюбуйте пейзажами, тоже очень способствует. А тут у нас морг.

Один из наиболее дрянных и, соответственно, наиболее популярных риторических вопросов — это всем известное: «А чего добился ты?». Если от чтения «Волшебной горы» должно произойти морально-нравственное последствие, пусть это будет отказ от «чего добился ты?». Чего добились, допустим, Фернандо и Лауро, с кровавой пеной на устах взывавшие к испанской стойкости, или их мама, прозванная *Tous-les-deux*? Чего добилась Натали фон

Малинкрод, заживо разлагающаяся, как Иов на гноище, но не забывающая повязать плешивую голову косыночкой? Чего добилась kleine Leila: вот мать шепчет о «невинном маленьком флирте», «видных кавалерах», а вот уж в палате курят пресловутым H₂CO? Чего добился Ротбейн: умер, сохранив в целости рёбра? Чего добилась фрау

Циммерман: испустила дух в объятиях мужа, удостоясь эпитафии «дурища необыкновенная»? Чего добился Иоахим, а как добивался — под знамёна-то? Или вот девочка — чего добилась?

«В минуту, когда священник переступает порог, кто-то в комнате взвизгивает отчаянно, пронзительно три, четыре раза подряд, а потом начинается крик, непрерывный, несмолкающий, он вырывается из широко раскрытого рта, знаешь, вот так: «Аа-ааа...» И в этом крике такая жалоба, такой ужас и негодование, что передать невозможно, а мгновениями — раздирающая сердце мольба. И вдруг этот крик становится глухим и далёким, точно он опустился в землю и доносится из глубокого погребка... возле изголовья столпилась кучка людей, — конечно, родители и близкие, — и они уговаривают, склонившись над постелью, а на ней видно только что-то бесформенное, и оно молит исступленно, негодует, брыкается...

— Ты говоришь, она брыкалась?

— Изю всех сил! Но всё было напрасно. Она вынуждена была причаститься Святых Тайн».

Кто чего добился, для Горы, как и для наи-

«Ах, в юности, в первом цветении взять таймаут и, пока сверстники брызгаются в болоте страстишек, карьерочки, попоек, тихо смотреть на них с Горы»

более мудрых её обитателей, имеет исчезающе малое значение. Дай-то Бог поймать момент, когда уже не стыдно перестать рыпаться, но до этого момента — обязательно рыпаться. Пусть бой и неравен, борьба безнадежна. Вот Карин, одна из эпизодических героинь, — её статус скоро переменится на moribunda, —

любуется своей будущей могилой (опекун скуп, домой хоронить не повезёт).

«В этой обители последнего упокоения, где-то среди тесноты надгробий, они увидели местечко длиной как раз с человеческое тело, между двумя могилами с металлическими венками, и невольно все трое приостановились перед ним. Так стояли они, девушка немного впереди своих спутников, и читали горестные надписи на камнях: Ганс Касторп — в непринуждённой позе, скрестив руки на груди; его рот приоткрылся, взгляд стал каким-то дремотным; молодой Цимсен — весь подтянувшись и не только строго выпрямившись, но даже слегка откинувшись назад, причём оба с двух сторон одновременно заглянули тайком в лицо Карен Карстед. Но она всё-таки заметила их взгляды и продолжала стоять, скромно и смущённо, слегка наклонив голову набок, потом улыбнулась напряжённой улыбкой и быстро заморгала».

Да, так и следует. Скромно, смущённо, с напряжённой улыбкой — все смотрят! — и без боязни, почти, почти без боязни.

Цитаты на тему взросления

Джером Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

Лучше бы некоторые вещи не менялись. Хорошо, если б их можно было поставить в застеклённую витрину и не трогать.

Дино Буццати «Татарская пустыня»

До сих пор он пребывал в той поре безмятежной ранней юности, когда дорога, по которой шагаешь с детства, кажется бесконечной: годы текут медленно и легко, как-то незаметно. Шагаешь себе спокойно, с любопытством поглядывая по сторонам, и нет никакой надобности торопиться, никто тебе не наступает на пятки, никто не ждёт; товарищи твои идут рядом так же бездумно, часто останавливаясь, чтобы пошутить, посмеяться. Взрослые с порога добродушно приветствуют тебя и с многозначительной улыбкой указывают куда-то на горизонт; и тут твое сердце начинает биться от сладостных мечтаний и предвкушения героических дел, ты уже предчувствуешь все то замечательное, что ждёт тебя впереди; ничего пока еще не видно, нет, но ты уверен, ты абсолютно уверен, что придет время и все сбудется.

Борис Васильев «Летят мои кони...»

С какого-то времени — старею, что ли? — жизнь стала представляться мне горбатым мостом, переброшенным с берега родителей на берег детей. Сначала мы поднимаемся по этому мосту, задыхаясь в суете и не видя будущего; дойдя до середины, переводим дух, с надеждой вглядываясь в тот, противоположный берег, и начинаем спускаться. И есть какая-то черта, какая-то ступень на этом спуске, ниже которой ты уже не увидишь своего детства, потому что горбчатый мост прожитой жизни перекроет твой обзор.

Сергей Лукьяненко «Черновик»

Все-таки жизнь с мамой и папой, если ты из школьного возраста вышел, человека портит. Ты можешь при этом зарабатывать неплохие деньги, можешь содержать родителей, но если ты остался жить в родительском доме — ты прекращаешь взрослеть. Принимаешь манеру поведения и жизни родителей. Консервируешься, становишься молодой копией отца.

Дуглас Коупленд «Жизнь после Бога»

Когда вы молоды, вы постоянно ожидаете конца света. Потом вы взрослеете, а мир, по-прежнему пытаясь, катится себе дальше, и вам приходится пересмотреть вашу позицию в отношении апокалипсиса, равно как и ваше отношение ко времени и смерти.

Оскар и Оскар

Автор: malasla

Гюнтер Грасс и Джонатан Сафран Фоер — не те писатели, которых принято сравнивать. По крайней мере, так обстоит дело на сегодняшний день.

Грасс — автор, имя которого в первую очередь связано с пацифизмом и скандалами относительно скрытого прошлого. Когда говорят о Фоере, вспоминают Холокост, эксперименты с текстом, и даже магический реализм.

Кажется, что между этими двумя нет ничего общего. Однако два Оскара — Мацерат и Шелл — кажутся слишком похожими персонажами, чтобы вовсе не обращать на них внимания. Мальчик, который не хочет становиться частью системы, поэтому не растёт, а только барабанит, и мальчик, который пытается выполнить несуществующий квест, чтобы вернуть отца, — это мальчики, скажем прямо, не от мира сего. Но похожи они не только этим.

Это подозрение возникает с самого начала, когда понимаешь, что у них одно имя на двоих. Дальшестораживает упоминание ударных инструментов в обоих текстах. Опустим барабан Грасса — он достаточно заметен, чтобы не акцентировать на нём внимание, и посмотрим на текст Фоера. Маленький Оскар Шелл играет на слишком большом для него тамбурине, мечтает о барабанной установке, а его кумир — Ринго Старр.

Тема барабана раскрыта. Вернёмся теперь к нашим Оскарам.

Так, Оскар Шелл — человек чувства. Он умён на свой возраст, у него живое воображение, но все его поступки берут начало именно от чувств: тоски по отцу, интереса к тайнам... Он «слишком много чувствует», как говорит психо-

Оскар Мацерат из фильма «Жестяной барабан»

терапевт, и часто не может контролировать себя.

Оскар Мацерат — человек рации, ума. Он ничего не делает спонтанно, всё взвешивает, даже своё падение с лестницы, даже коварный шрифт зютерлинг, который видит в первый и последний раз в жизни. Каждое его действие объясняется планированием.

Кажется, что он лишён всяких эмоций — одинаково принимает роль жертвы в играх соседских детей и роль любовника Марии, молодой жены своего отца. Он эмоциональный мертвец, однако таким же точно мертвецом пытается стать Оскар Шелл весь роман, чтобы перестать чувствовать, перестать скорбеть, ревновать и искать.

Подумаем о вечном и вспомним, как в текстах появляется тема религии. Мацерат называет себя Иисусом после набега на церковь — однако то, что статуя может играть вместо него, пугает его. Если так, то, выходит, Оскар перестанет быть центром мира?! Совсем иначе выглядит Шелл. «Сдвинув песчинку, ты меняешь мир», — говорит ему как-то отец, и мальчик поражённо кричит: «Я — Бог!». Это осознание своей значимости.

«Достаточно горько смотреть на это: ребёнка времён Второй мировой удивляет то, что в центре может быть не только он, ребёнка времён границы тысячелетий удивляет то, что в центре может быть и он тоже»

Оскар Шелл из фильма «Жутко громко и запредельно близко» (съёмки)

Достаточно горько смотреть на это: ребёнка времён Второй мировой удивляет то, что в центре может быть не только он, ребёнка времён границы тысячелетий удивляет то, что в центре может быть и он тоже.

Так что же, Оскар Мацерат – это Оскар Шелл, достигший успеха, занявший то, значимое место, которое должно принадлежать ему по праву?

Но нет, всё не настолько просто.

Оба мальчика почти одинаково разделяют мужской и женский миры. И если к мужчинам они относятся очень по-разному (хотя обычно пытаются играть в некое подобие равности, иногда выполняя обязанности взрослых: Оскар Мацерат отвлекает мужчину от смерти игрой в скат, а Оскар Шелл управляет мистером Блеком, не чувствуя никаких угрызений совести), то от-

**«Хотя не одна только
семья формирует
человека, как мы все,
безусловно, знаем.
Важен коллектив, мир
взрослых и мир детей»**

ношение к женщинам у них в общем-то одинаковое.

Это отношение вовсе не маленького ребёнка: Оскар Шелл чуть ли не каждой встречной говорит, что она очень красивая, и наслаждается тем, как они краснеют от комплиментов. При этом единственная, кому он отказывает в праве на женственность – это его мать.

Оскар Мацерат наоборот – проявляет вполне взрослый взгляд на женщин вообще и на мать в частности.

Он пишет о ней как взрослый мужчина, указывая на те прелести, что нравились всем её любовникам, опи-

сывает фотографию её молодой, вспоминает о её удивительной сексуальности. Кажется, он гордится этим, равно как и тем, что она многим нравилась и многим отдавалась.

Забавно одинаковыми кажутся и бабушки, однако всё с тем же изменением. Бабушка Шелла не женщина, она просто бабушка – его лучший друг, сообщник и спутник, готовый поддержать и защитить. Юбки бабушки Мацерата выполняют ту же функцию – защищать и поддерживать, однако слишком уж они впитали в себя память о внезапно спасённом дедушке, чтоб принимать её за нечто большее, чем воплощённое желание.

Пожалуй, точкой, где персонажи наименее похожи, будет образ их отцов. Оскар Мацерат, как известно, имел двоих отцов – одного официального и одного настоящего, обоих он называет то по имени, то «отец». Сам он воспринимает эту ситуацию удивительно спокойно. Он не выказывает сильной любви ни к одному из мужчин (хотя сильнее любит Яна – из меркантильных соображений), и в конечном счёте убивает их обоих: Яна вытаскивает на почту, а Мацерат давится нацистским значком, который дал ему Оскар.

Хотя центром этой странной семьи изначально была мать. Так что логично, что роль отца нивелируется, пусть даже и настолько сильно.

Для Оскара Шелла отец изначально важнее, ближе матери (вспомним его: «Лучше бы умерла ты!», – брошенное во время одной из ссор). Томас был больше, чем отец, – он был мудрым учителем, источником мудрости, который заставлял поверить, что не всё в мире устроено бессмысленно. Испытание «вторым отцом», Роном, Оскар не просто проваливает, а вполне открыто саботирует.

Хотя не одна только семья формирует человека, как мы все, безусловно, знаем. Важен коллектив, мир взрослых и мир детей, которые пребывают в вечной войне.

Оскар Мацерат – антиромантический персонаж, сатира на типичного ребёнка детлита времён Третьего Рейха, честного, возвышенного и смелого:

он аморален, жесток, лишён наивности или внутреннего кантовского закона. Это маленькое бездушное существо. Хотя так можно сказать обо всех детях Грасса вообще. Дети вокруг Оскара – его не случившиеся одноклассники, соседи по двору, одноклассники, которые быстро обгоняют его – тоже жестоки, тоже brutальны, но, в отличие от Оскара, гораздо более активны. Эти дети принадлежат системе. Она даёт сбой и упускает из виду Оскара, но остальных превращает в дисциплинированных членов Гитлерюгенда, носящих форму и учащихся ходить строем. Они рушат мир только в свободное время.

Дети, окружающие Оскара Шелла, тоже злые, тоже жестокие, но злость, которая для Грасса является правилом, для Фоера – исключение. Большинство одноклассников Оскара так или иначе ущербны (самая мелкая проблема класса – дефицит внимания). Если выбирать, кто из двух сторон – Оскар или эти дети – более жестоки, сделать это будет сложно: между ними нет такого зазора, который был виден у Грасса. Дети Фоера злые не потому, что такова их натура, а потому, что они несчастны.

В конце концов, похоже, что самым большим и показательным различием миров обоих Оскаров является наличие в них насилия.

Для Оскара Мацерата насилие – нечто вполне обыкновенное и обыденное. Дети во дворе играют, и в их игре обязательно должна быть жертва. Страшная смерть бабушки Оскара никого не удивит и не ужаснет. Военные парады – не больше чем декорация, фон, на котором продолжается жизнь. А при захвате почты всё, что нужно – как можно дольше считать, что ты ещё жив и относительно счастлив, ведь можешь ещё играть в скат.

А мир Оскара Шелла – это мир, который уже познал страх, боль и потери, и на новую угрозу тут реагируют соответственно: звонят родным, беспокоятся, отправляются на поиски, остерегаются незнакомых. Сам Оскар кажется людям странным именно потому, что он слишком добр к этому миру и незнакомцам, слишком неосторожен. Он ещё не умеет бояться на достаточном для цивилизованного человека уровне, хотя и учится понемногу.

Но Мацерат отлично вписывается в свой мир, не обращает на него внимания и не соглашается быть жертвой, всего и дел у него, что барабанить, стараясь оставаться за трибуной, как советовал мудрый Бебра.

А вот Оскару Шеллу не обращать внимания на мир никак не удаётся. Его мир жесток сам по себе, без конкретных носителей зла. И хотя он не верит в жестокость людей, в злой мир он поверил давно, потому и надевает только белое, всегда носит телефон и рацию – для связи с бабушкой.

Отличаются не столько персонажи, сколько условия, в которых они существуют. У Мацерата это злой, но структурированный, понятный мир, в котором можно научиться жить, даже если ты не подчиняешься общим правилам. Этот мир пугает – но он не ошарашивает.

Мир Оскара Шелла тоже был таким, гармоничным и понятным, пока туда не ворвалось неожиданное насилие, понять которое пока не может не один только Оскар – а все жители мира. И бродить вслепую предстоит не одному ему – а всем, чья реальность оказалась недостаточно прочной, чтобы выдержать удар неизвестности. Тут ещё нет новых правил, и неясно, как он изменился.

«В конце концов, похоже, что самым большим и показательным различием миров обоих Оскаров является наличие в них насилия»

Кто знает, вдруг в этом новом мире и можно возвращать мертвецов?

В конце концов, обе ситуации приводят к одной из идей Лаана — идее об «objets petits autres», объекте с маленькой инакостью. Этот объект принято рассматривать как точку, где соединяется «Я» и Другой; объект, который приближает Реальное настолько близко и понятно, что можно его больше не бояться, а принять и воспринимать как часть самого себя.

Значит, у обоих Оскаров должен быть предмет, который каким-то образом будет воплощать их настоящие желания, не замутнённые страхом жизни.

У Оскара Мацерата таким объектом, конечно, будет барабан, инструмент милитарный, на котором он отбивает химерное подобие военного марша. Соединившись со страхом, нежеланием присоединиться к системе, барабан Оскара приведёт нас к следующему: его настоящее желание — управлять миром. Именно отсюда его страх: он не хочет подчиняться, а только подчинять, и, понимая, что ему не удастся сделать это, он выбирает компенсирование желания с помощью барабана.

Аналогичным предметом Оскара Шелла должно быть что-то материальное, что очень много значит для него в жизни. Самым подходящим кандидатом на роль объекта с маленькой инакостью будет его альбом «Stuff that happened to me», — тот самый, вырезки из которого мы видим на страницах романа, тот самый, о котором иногда упоминает сам Оскар, и который ему советует вести его психолог.

Рассматривая фотографии из него, легко заметить, что большая их часть касается катастроф, аварий, разнообразных проявлений насилия и символических снимков, которые моделируют другую, непохожую на настоящую действительность. Всё это приводит к следующему выводу: Оскар Шелл хочет умереть. Его истинное желание — не вернуть отца, а соединиться с ним несмотря ни на что. Но даже у детей есть инстинкт самосохранения, поэтому Оскар принимает своё желание, не осознавая его до конца, через альбом.

Оба персонажа на пути к своим желаниям потерпели сокрушительные поражения: Мацерат оказался в больнице, где его способность к контролю мала настолько, что даже бумагу ему должен приносить санитар; Шелл в конце романа выбрал жизнь и вернулся к матери, признав, что он ещё не способен сам управлять жизнью и собой.

И всё же, оба они с миром примирились.

А хорошо это или плохо — кто знает?

Акутагава Рюноскэ

Во всей Вселенной, считал он тогда, есть только одно дело, которое заполняет жизнь до краёв, не оставляя места ни для сожалений, ни для разочарований. Это дело – служение искусству. Искусство приносит художнику высшие радости, окупает любые жертвы, оправдывает любые преступления. Художнику могут быть свойственны обыкновенные человеческие слабости, в своей обыденной жизни художник может пребывать в зависимости от сильных мира сего, невежественная чернь может смеяться над художником или страшиться его – всё это не имеет к служению искусству никакого отношения; мнение черни, полагал он, ничего не значит, духом художник всегда неизмеримо выше самого своего могущественного властелина, и если человеческие слабости губят художника, так это не вина его, а беда.

Аркадий Стругацкий
«Три открытия Рюноскэ Акутагавы»

Почта:

magazine@livelib.ru

В журнале использованы шрифты PT Sans и PT Serif.

Материалы взяты с сайта livelib.ru